

Александр
Ольшанский

РАШЕН
БАБ

18+

C&K

Александр Андреевич Ольшанский

Рашен Баб. Три коротких романа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12027085

Рашен Баб. Три коротких романа/ Ольшанский А.А.: Издательство

«Спорт и Культура – 2000»; Москва; 2015

ISBN 978-5-91775-206-8

Аннотация

Произведения Александра Ольшанского, как правило, всегда открытие. Художественное, большое или малое, в прозе, в публицистике, в философии... Этому требованию писатель неукоснительно придерживался в своём творчестве более полувека. В настоящий сборник вошли три коротких романа, написанные в последние годы. О судьбе молодых сельских учителей и судьбе сельской школы, от которой зависит, быть или не быть деревне или селу. О злоключениях сибирячки, вышедшей замуж за иностранца и превратившейся на зарубежных харчах в знаменитую гигантскую Рашен Баб. И, наконец, о судьбе молодого учёного, ставшего во главе огромной империи бывшего вора в законе и осознавшего, что преступный бизнес аморален, способен лишь приносить страдания людям. Все три романа интересны

и динамичны, современны и злободневны, – ведь они издаются накануне 75-летнего юбилея писателя-мастера.

Содержание

До и после первой звезды	5
Рашен Баб	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Александр Ольшанский

Рашен Баб. Три коротких романа

До и после первой звезды

Роман эпохи дикого монетаризма

I

Валентин Иванович долго не решался. Вернее, *не решался*.

Сама мысль об этом представлялась святотатственной: как он, учитель, сеятель доброго, разумного, вечного и ещё неизвестно чего, надуманного в районе, в Москве или за океаном, и вдруг *такое?!*

В сложные моменты он всегда вспоминал директора детского дома-интерната Алексея Алексеевича, примеривал свои обстоятельства к нему и старался угадать, как бы тот поступил. Вот он – истинный сеятель, человек исключитель-

ной доброты, обогреший и очеловечивший их несчастное детство. На него, и только на него всегда хотел быть похожим Валентин Иванович, а тут, на таком фоне, опять же – *такое...*

Мечты, как оказалось, не столько украшают жизнь, сколько подчёркивают её гнусность. Алексей Алексеевич осуществил свою мечту: это Валентин Иванович понял только здесь, оказавшись в полудеревне-полупосёлке со странноватым названием Стюрвищи. Вот отсюда, из Стюрвищ, и стало понятнее, чего стоило Алексею Алексеевичу превратить обычный, безрадостный детский дом, да ещё где – на Севере! – в поистине родительский для мальчишек и девчонок, брошенных в родильных домах, осиротевших от беспробудного пьянства мам и пап.

Кто только ни попадал в их интернат – и малолетние ворюшки, и проститутки, и наркоманы, и даже убийцы. Потерявший облик человеческий пьяный отец забил до смерти мать и тут же захрапел, – восьмилетний Серёжка топором развалил, как тыкву, его голову, взял за руку пятилетнюю сестрёнку и пошёл в милицию, явился, так сказать, с повинной. Серёжка был детдомовским другом Валентина Ивановича, – ни разу за десять лет не проявилась в нём жестокость, напротив, он был душевным и отзывчивым парнишкой, но уж очень справедливым. Только порой становился задумчивым, уходил в себя, в свои недетские мысли, – тут уж перед ним не мельтеши. Сестра друга Лена стала теперь Еленой

Дмитриевной, тоже учительницей и женой Валентина Ивановича.

В Стюрвищи они попали незамысловато: у Лены здесь жила тётка, родная сестра отца, и, когда надо было выбирать, куда им, бездомным и безродным, податься, этот вариант им показался самым подходящим. У тётки был дом, некогда добротный, даже с мезонином, построенный дедом Лены, но основательно подгнивший и запущенный. Валентин Иванович видел тётку Аграфену ещё в детстве: она несколько раз приезжала навестить племянницу, но не племянника, которого считала извергом, и даже захотела однажды увезти Лену с собой навсегда. Сергей воспротивился, поскольку старшая сестра его родителя свою жизнь не представляла без портвешка. За это она и возненавидела его люто, до пены на губах, которую Валентин Иванович, тогда Валька, видел у неё, когда Алексей Алексеевич мягко, но твёрдо отказал ей и не доверил судьбу родной племянницы. Конечно, тётка винила не себя, а выродка Сергея, который наговорил на неё Бог весть что. Осталась она в обиде и на племянницу: тогда Лена не сказала ни да, ни нет, она сомневалась, не хотела расставаться с родным братом, своим надёжным защитником. Алексей Алексеевич и не отпустил её. Напомнила о себе тётка, когда Лена училась на предпоследнем курсе пединститута, по-нынешнему – университета, опять звала к себе на постоянное жительство.

Позапрошлым летом Лена приехала к тётке в гости. С Ва-

лентином Ивановичем, он тогда учился в аспирантуре, и Ритой Черновой, детдомовской подругой, которая их университет как раз и окончила, и ей где-то нужно было пристраиваться. Тётка Аграфена, согбенная, седая, беззубая, много плакала, вспоминая любимого меньшего брата, убитого родным сыном, жаловалась на судьбу, – её женихов сосватала война, ей мужа никакого, даже самого завалящего, не досталось, так она и провековала одна-одинёшенька. Горбатилась в колхозе, жилы рвала на работе – тут она показывала страшные венозные узлы на икрах, на ферме покрутило руки проклятушим ревматизмом, – мыслимо ли, изо дня в день в ледяной воде полоскаться, спрашивала она у них. И отвечала сама себе тихо и обречённо, утвердительно кивая головой: «Мыслимо...» И запускала матерком.

Здесьние места им понравились. Речка, спокойная и чистая, в ней водилась ещё рыба, луга в пойме, леса на возгорках – возвышенные, просторные, грибные да ягодные. Много сосны, которая любит расти там, где чистый воздух. Сюда, где давно обосновались пионерские лагеря московских предприятий, повалили *новые русские*, – их дачи, коттеджи-дворцы заполонили все окрестности. До Москвы не так уж и далеко – четыре-пять часов на электричке, а на иномарке – в два-три раза быстрее.

– Сюда бы Алексея Алексеевича! – воскликнула тогда Лена.

Он на Севере, где лето короткое, как счастливый сон, по-

строил за городом целый посёлок – жилые домики, учебные классы, мастерские, теплицы, фермы, где ребята ухаживали за курами, утками, гусями, поросятами, козами, кроликами, овцами, коровами, лошадьми... А вокруг – детдомовские поля и огороды, свои сады, у них даже пасека была, – как смог Алексей Алексеевич, москвич, между прочим, создать их агрогородок, разбудить в детских душах любовь к земле, ко всему живому, как удавалось ему держать в уме дела каждого из сотен воспитанников, называть их только по именам, как в настоящей семье, да вести ещё огромное это хозяйство? Каким образом он, на негнущихся после автомобильной катастрофы ногах, на костылях, везде поспевал?

Каждая воспитанница умела шить, вязать, готовить еду, вести домашнее хозяйство, огородничать, ухаживать за домашними животными. Ребята больше тянулись к технике, умели плотничать, столярничать, строить. Алексей Алексеевич готовил их к жизни, вот и выходили из детдома все со специальностями – швей-мотористки, кулинары, повара-хлебопёки, парикмахеры, слесари, электрики, токари, крановщики, трактористы-бульдозеристы, как водится, широкого профиля, экскаваторщики, водители-профессионалы, специалисты по обслуживанию компьютеров.

Во имя этого надо же было как-то организовывать их профессиональную подготовку, договариваться с училищами, со специалистами, создавать вечерние группы, причём готовить не чохом, а с учётом интересов и наклонностей каждо-

го. К тому же в детдоме можно было освоить не одну, а две, а то и три специальности. Алексей Алексеевич и после детдома не выпускал из поля зрения своих воспитанников – помогал всем, особенно студентам-очникам. Если кто женился или выходил замуж, Алексей Алексеевич непременно на свадьбе был посаженным отцом. Надо ли говорить о том, что все первенцы становились Алёшами или Ирами, в честь жены директора, мудрой и долготерпеливой Ирины Степановны, которая учила ребят математике, обращаться с компьютерами да вдобавок вела необъятное в их условиях домоводство? Сколько же доброй энергии, любви к воспитанникам было у этих поистине замечательных людей?!

В здешней школе учителей не хватало, и Рита осталась в Стюрвищах учить детей русскому языку и литературе. Директор школы Анна Ивановна, которую они тут же за мощные, монументальные формы прозвали Анной Иоанновной, предлагала Валентину Ивановичу и Елене Дмитриевне немедленно влиться в дружный коллектив педагогов. Особенно обхаживала Валентина Ивановича: пообвыкните немного, я введу вас в курс дел и станете директором, – вы же мужчина!..

Весь год Валентин Иванович, когда надо было отвлечься от диссертации о некоторых закономерностях развития синтаксических конструкций в русском языке, строил планы создания в Стюрвищах некоего подобия детского дома-интерната, короче говоря, как у Алексея Алексеевича. В порыве

вдохновения и уверенности в собственных силах он написал ему письмо о своих планах. К удивлению, Алексей Алексеевич намерение Валентина Ивановича приветствовал очень сдержанно и с множеством оговорок.

В России, как известно, писал учитель, две напасти. власть тьмы и тьма власти, – с этой точки зрения у нас полная тьмократия. Самое главное для вас, ребята, сегодня – выстоять в этих условиях, выжить не только материально, но и морально, чтоб потом, когда всенародное осатанение схлынет, строить жизнь по высоким принципам и образцам. Время нынче не для идеалистов, а для циничных материалистов, господ без чести и совести. Самое страшное – им решительно начхать на голодных и бездомных детей, на то, что население России, как шагреневая кожа, сокращается. Мы готовили вас к жизни, где человек человеку друг, товарищ и брат, а вы оказались в жизни, где человек человеку волк. Простите нас, ребята, великодушно за это, – мы хотели, чтобы ваше детство и отрочество были хоть немножечко счастливыми. Воспитывали в вас добросердечие, порядочность, отзывчивость. Я не мог иначе, извините меня, неисправимого идеалиста...

Письмо было совершенно необычным для Алексея Алексеевича, всегда спокойного, уравновешенного, с открытым, радостным и чуть-чуть простодушным лицом. Конечно же, Валентин Иванович сразу ответил, благодарил учителя именно за всё хорошее, которое согрело и выровняло

их травмированные детские души. Плохого, отвратительно-го, несправедливого сегодня сколько угодно, но мы, дорогой Алексей Алексеевич, благодаря вам, знаем, что такое хорошо, а что такое плохо. Иначе всё то, что творится вокруг, мы бы считали нормальным. Так за что же вы просите прощения, Учитель Добра? Мы расскажем о нашем детском доме своим детям и внукам, они тоже будут любить вас. Как любим мы, для которых вы – самый высокий пример для подражания на всю жизнь.

Собственный ответ не нравился Валентину Ивановичу выпендренностью и трескучестью, хотелось написать тёплое, сердечное письмо, но разве есть на свете слова, способные со всей полнотой передать все твои чувства к человеку, которого боготворишь? С нелёгким сердцем заклеивал он конверт.

Письмо учителя настолько расстроило Валентина Ивановича, что Алексей Алексеевич ему приснился. Совсем без ног, на тележке-доске с подшипниками. Из голубых глаз учителя ручьём лились слёзы, запекшиеся губы шептали: простите, простите, простите... Он отталкивался сбитыми в кровь руками о каменистую дорогу, хотел приблизиться к Валентину Ивановичу, а тот отступал, не позволял ему подъехать вплотную. Потому что, Валентин Иванович знал это точно, учитель, в искупление своей надуманной вины, намерен целовать ему, ученику, ноги. Алексей Алексеевич отталкивался окровавленными руками, ржавые подшипники визжали, а он пятился назад... «Что же я делаю – Алексею

Алексеевичу ведь больно!» – подумал Валентин Иванович, но продолжал пятиться, поскольку не мог позволить учителю унизиться перед ним...

Потрясённый неразрешимостью ситуации Валентин Иванович проснулся и до утра не мог сомкнуть глаз. С Алексеем Алексеевичем что-то случилось. Едва дождавшись шести часов утра, он, не говоря Рите ни слова, поехал на переговорный пункт и позвонил Алексею Алексеевичу домой. Трубку взяла Ирина Степановна.

– Спасибо, Валя, за звонок, – обрадовалась она. – Алексею Алексеевичу уже лучше. Операция была не из лёгких, но он держится молодцом. Слава Богу, дело пошло на поправку, обещают через неделю выписать из больницы. Я обязательно ему передам, что ты звонил. А вы-то как?

– Нормально.

– Все вы так отвечаете, – как сговорились, – в голосе Ирины Степановны проскользнула обида. – Держитесь?

– Держимся, Ирина Степановна.

– Держитесь, ребята.

II

Действительность в Стюрвищах оказалась совершенно не такой, какой она представлялась Валентину Ивановичу в мечтах. Ему, филологу, Анна Иоановна предложила вести физику и биологию одновременно. Все мы здесь, объясни-

ла она, трактористы-машинисты самого широкого профиля. Если вам покажется мало, можете физкультуру прихватить или химию, – наша химичка, представьте себе, оставила нас, ей место в ларьке нашли!

Состоялся разговор и у Лены.

– Видите ли, милочка... – врасстяжку начала директриса.

– Если вам не очень трудно, то называйте меня лучше Леночкой, – перебила монолог Лена, – детдомовские за словом в карман не лезут.

– Так вот, милочка, – настаивала на своём Анна Иоановна, обиженно и даже зловредно поджимая пухлые губы, – я не представляю, как вы в таком виде, – она выразительно взглянула на её огромный живот, – можете появиться в классе. Это же дети, они будут насмехаться над вами, чего доброго, доведут вас до преждевременных родов.

– Не доведут, я на последнем месяце. Я не рвусь в бой, пришла, так сказать, представиться, показать, что приехала, и чтобы вы имели меня в виду на будущее.

– Извините меня, пожалуйста, – пошла на попятную Анна Иоановна. – Рожайте на здоровье, а потом приходите, милости просим, дорогая Елена Дмитриевна. Работы у нас всё равно что у дурака махорки, – неожиданным и необъяснимым сравнением закончила она разговор.

Что и говорить, не на крыльях возвращались Валентин Иванович и Лена домой. Вообще-то, Елена Дмитриевна напоминала походкой утку – переваливалась с ноги на ногу,

а лицо её, в коричневых крапинах и пятнах, смахивало на огромное яйцо кряквы. Если же серьёзно, то, готовясь стать матерью, она ушла в себя, как в кокон, сосредоточилась мыслями, чувствами на нарождающейся в ней жизни. Всё остальное её мало тревожило, было слишком несущественным и третьестепенным, в том числе и то, что её муж, без пяти минут кандидат филологических наук, будет учить детей физике и биологии. Поэтому и вопрос, заданный им вечером за чаем, – может, пока не поздно, следует поискать работу в другом месте, ведь Рита получала последний раз зарплату в феврале, а уже начинался август, – Леной был воспринят как сугубо риторический, не имеющий к ней никакого отношения. Зато ответила Рита:

– А куда? Вон она с какой икрой. Тут над головой крыша, а впереди не лето, а зима. Специалисты по синтаксису, яснее ясного, сейчас позарез нужны, везде требуются. На твоём месте, братишка, я бы сейчас грибы собирала и сушила-солила, ягоды, а картошку – где увидела, там и копала бы. В погребе шаром покати. Тётка Аграфена ничего не сажала, который год на огороде даже укроп не растёт...

– Не гневи Бога, Рита, – подала с печи голос хозяйка. – Мы с тобой висяло годик прожили, висяло. Дай Бог тебе здоровья... А я ни рубля с тебя не взяла за квартиру-то, ни рубля!..

– Ещё бы не висяло! От Гарика каждую неделю – сумку, бутылку, да не одну. Конечно, висяло! Какие тут ещё рубли за квартиру? Не было бы меня, – так с сумой и таскалась бы

по миру.

«Вон оно что – тётка Аграфена попрошайничала», – поразился Валентин Иванович, открывая для себя всё новые стороны стюрвищенского бытия. Ритины претензии к старухе, особенно попреки куском хлеба, её напор, безоговорочность тона покоробили его. Сестрёнка – она такая, ничего не поделаешь.

– Извини, Рита, я насчёт картошки что-то не понял. Надеюсь, ты не воровать её предлагаешь?

– А ты как думал? Сейчас все воруют. Чем больше стащит, тем больше уважения! Наши деньги козлы на выборы ухлопали, то есть украли мою зарплату за полгода, и они, эти педрилы, очень уважаемые люди. Валька, разуй гляделки!

– Опять не понял. Ты всерьёз советуешь мне воровать?

Рита от возмущения его непонятливостью выскочила из-за стола, подошла к нему вплотную, наклонилась и, глядя на него в упор красивыми, но холодными, прямо-таки ледяными глазами, спросила грубо и безжалостно:

– Зимой жрать что будешь? Или ты и твоя семья святым духом питаться настроились? Раньше совхоз помогал, а сейчас его, совхоза, считай, нет. Им скотину кормить нечем и некому. Сходи за деревню, загляни в овраг – туда весной сотни поросят вывезли. С голодухи подошли. А те, что остались, так и не набрали веса – дистрофики они. Совхоз был откормочный, только свинины давал самое меньшее по полтысячи тонн в год. Тогда школу, больницу, клуб, жильё построи-

ли. Теперь наша зарплата, грубо говоря, догнивает в овраге. Всё до безобразия просто – народное образование финансируется из местного бюджета, а производство лежит, налоги никто не платит, – машины скорой помощи без бензина стоят. И не только у нас так, – по всей России, за исключением Москвы да Питера. Так что, братишка, губы ни на что не раскатывай, а работай вот этим, – она постучала пальцем по его лбу, вернулась на место, отхлебнула чаю и продолжила: – И ещё одно учти. Через несколько лет нам учить будет попросту некого. В этом году из всех наших деревень ещё наскребли на один почти полнокровный класс, а через три года в первый класс придут только три мальчика и две девочки. Когда же ваш ребёнок дорастёт до школы, то не исключено, что одноклассников у него вообще не будет. Такую политику завели эти педрилы: нерентабельно рожать, растить, воспитывать детей, нерентабельно лечить больных, кормить стариков. Вообще нерентабельно быть человеком, зато очень выгодно быть подонком! А вам бы скорей родить, а что будет потом – наплевать...

– Рита, опомнись! Не святотатствуй. Ты забыла, как мы в детстве мечтали: вот вырастем, и у нас будет много-много детей, которым уж кто-кто, а мы станем настоящими, самыми лучшими на всём белом свете родителями? При чём здесь какая-то рентабельность? И поэтому я не пойду воровать. Я – педагог, учитель, неужели тебе это непонятно?

– Воровать – это не значит красть, кому, как не тебе, знать

многозначность этого слова. Сейчас много изящных, прямо-таки художественных видов воровства.

– И все они – нечестные!

– Ладно уж, блаженный. Тогда заработай честно. Иди завтра утром к дачникам, к новым русским, может, обломится найти работёнку по строительству. Пока сезон не кончился. Хоть на пелёнки заработаешь. Алексей Алексеевич далеко, советской власти больше нету, так что вашему дитю никто не подарит приданое. Даже на одеяльце в кармане у вас не звенит. Инструмент какой никакой я на чердаке нашла, когда крыша потекла. Если бы тётя Агаша нашла, – пошёл бы на бормотуху. Там и доски есть.

– Какие доски? – оживилась на печи старуха.

– Тебе на гроб.

– Ну, Рита...

– Что – Рита? Я дело говорю. У вас ни кровати, ни коляски. Покупать до рождения нельзя, примета плохая. Но подумать заранее ведь можно. Кровать детская сейчас стоит, самое меньшее, полмиллиона – полторы твоих месячных зарплаты.

– Ой, деньжищи-то какие! – запричитала старуха. – Не слышали мы раньше о кроватках, да ещё о таких дорогуших. Зыбку мужик сгондыбает – и милое дело. Вон крюк для неё, – из запечья показалась косматая голова, а затем рука, корявым перстом указующая на потолок. – Он крепкий, вы не думайте. После войны старшая моя сестра Дуня, царство

ей небесное, забрюхатела от МТС – да в петлю. Здоровущая была, а крюк выдержал.

– Тётя! – взвизгнула Лена и хлётско шлёпнула ладонью по столешнице.

– Я ничего, ничего... – забормотала старуха, исчезая во мраке запечья.

Рита выразительно посмотрела на Валентина Ивановича, кивнула на печь, а затем укоризненно покачала головой. Мол, видишь, какая жизнь стюровищенская, а ты, интеллигент детдомовский, несчастный... Но после бурной выходки Лены сбавила в напоре.

– Тебе Анна Иоановна наверняка дала наряд до конца месяца. Там поправить, там прибить. Не вздумай! Она давно на тебя имела виды: вот Валентин Иванович приедет и сделает. С весны меня донимала: когда Валентин Иванович приедет, не передумал? Ты в школе ещё не появился, а завуч, есть у нас такая гадюка – Лилия Семёновна, тебя уже возненавидела. Она считалась преемницей Анны Ивановны, а тут конкурент. Берегись!

– Но школа, Рита, в таком состоянии, словно её приготовили к сносу. Физический и биологический кабинеты попросту разграблены...

– Приватизированы, – поправила Рита.

– Мебель переломана, во многих окнах картон, фанера, жёсть, стены обшарпаны, исписаны...

– Ну и что? – прервала его доклад Рита. – Школа в та-

ком, сталинградском, состоянии несколько лет. Не нужны нынешним хозяевам жизни школы: тёмного, необразованного человека легче околпачивать, грабить, эксплуатировать. А ты разволновался. Вот что, братишка, скажу я тебе: многое из того, что вложил в нас Алексей Алексеевич, оставь в покое, спрячь в душе как неприкосновенный запас. Авось пригодится. Сегодня жизнь не для честных и порядочных, над ними смеются. Поэтому Анне Иоановне заяви твёрдо: приду в школу первого сентября. На новом месте надо обустроиться, вот-вот появится ребёнок. Она тебя подъёмным пособием обеспечила? Нет? Тогда пусть на тебя не рассчитывает... А тебе, Леночка, мой совет: как бы ни было трудно, – не продавай швейную машинку. Какой же умница наш Алексей Алексеевич: каждой девчонке, отправляя её в эту проклятую жизнь, он дарит столько лет швейную электрическую машинку. Я только дважды получала в школе деньги: перед новым годом да в феврале. Жрать было нечего, искала в городе надомную работу, репетиторство. Нашла «рога и копыта» по пошиву, октябрь перекантовалась, а потом – нет заказов, хоть удавись. Дошло до того, что четыре дня не ела, а тётки дома не было, где-то попрошайничала. За четыре дня выпила в школе два стакана чая без заварки, на жжёном сахаре, да четыре сушки. Такие у нас школьные завтраки, мы их называем комплексными гайдаровскими обедами. Поехала в город и спустила машинку даже не за пол, а треть цены... Только выпустила машинку из рук, как встречается мадам из

«рогов и копыт»: что же вы, Риточка, не заходите, у нас такой большой заказ! Да я же пять минут тому назад машинку продала, заходила к вам утром, поцеловала замок! Риточка, да мы дадим вам свою, напрокат! Вот оно, счастье-то детдомовское!.. Я раньше думала, что только мы прокляты своими родителями, оказывается, весь наш народ кем-то проклят. Вообще-то мы какой-то лженарод, у нас лжежизнь, и кантуемся мы в какой-то лжестране...

– Рита, прекрати, уймись! Посмотришь на тебя: красавица, настоящая красавица. Блондинка, не искусственная, а настоящая, глазищи голубые – хороша! А во рту у тебя – черным-черно, – Валентин Иванович попытался пошутить и пожалел об этом: Риту в детдоме кто-то прозвал Болонкой, а чернота в пасти собаки считается признаком её злобности.

– На то и фамилия у меня – Чернова. В душе черно, братишка. Тут, – она простила ему намёк и постучала кулачком поверх высокого, выразительного бюста. – Может, выпьем, а? У меня от Гарика есть бутылка в заначке. Если бы не Гарик, не знаю, как и выжила бы, – и после этих слов она бесшабашно и вызывающе засмеялась.

– Огурчика бы малосольненького. Все бы отдала за огурчик, – мечтательно произнесла Лена и закрыла глаза от предвкушаемого блаженства.

– Сестрёнка, будет тебе огурчик!

Рита подхватила и ушла к соседям, а тётка Аграфена, услышав про бутылку, завозилась на печке, потом стала с неё

спускаться.

Ш

Август для Валентина Ивановича выдался хлопотным и напряжённым. На рассвете он уходил в лес, носил оттуда дрова. Ему, как сельскому учителю, должны были за счёт школы выделить несколько кубометров и привезти даже домой, но теперь до этого никому не было никакого дела. Точнее, у школы на эти цели денег не было, и они не предвиделись, поскольку власти были озабочены непрекращающимися выборами. Выделение и поступление денег вряд ли кем-то согласовывалось с графиком приближения зимы, поэтому надо было самому позаботиться о топливе. В России, как известно, для чиновников зима испокон веков является самым необычным природным явлением.

Однажды, когда он валил сухую сосну, его поймал лесник, хотел было отвести в контору лесничества и составить по поводу самовольной рубки акт. Но потом, узнав, что он новый учитель, сам наметил ему деревья, которые теперь он валил, а самое удивительное – не только не потребовал магарыч, а даже отказался от него, когда Валентин Иванович сделал соответствующее предложение. Побереги бутылку для тракториста, посоветовал хозяин леса, заготовь побольше, на целый прицеп, и вывези, не таскай на себе. Он так и сделал, но попозже, когда заработал немного денег на дачах.

На садовых участках народ, как на беду, оказался не безруким. Одно товарищество организовали строители, а другое – работники какого-то завода. И всё-таки ему удалось поставить два забора из сетки-рабицы и одни ворота, которые он украсил резьбой, и всем они нравились, однако заказов не принесли: завод *лежал*, большинство дачников находилось в неоплачиваемых отпусках. В посёлках «новых русских» работали свои бригады. Они таких, как он, гнали взащей, грозили ноги поперебивать, а руки повыдёргивать, чтоб не показывались здесь больше, потому что неорганизованные шабашники, особенно из Молдавии и Украины, готовы были работать за любую цену.

В одном коттедже повезло. Вначале хозяин, толстый кабан в шортах, с чёрной щетиной на голове и на скулах, с пухлыми, красными и презрительными губами, сказал, что никакой работы нет, и посоветовал отваливать отсюда. Испытав очередное унижение, Валентин Иванович опустил голову и побрёл прочь, но его вдруг окликнула хозяйка: предложила соорудить полки для солений и консервов в погребе.

– Ладно, пусть орудует, – разрешил хозяин и назвал цену: двести тысяч, поскольку там, по его мнению, было на полдня работы.

Подвал «нового русского» напоминал собой по крайней мере лабораторию образцового быта. Стены, пол и потолки были отделаны импортным кафелем, трубы – никелированные или из нержавеющей стали, на века, прачечная – крик послед-

них достижений в этой области, системы отопления и кондиционирования, холодильные камеры... Все это, как он догадался, только на половине хозяйки, очень сдержанной и в то же время какой-то пришибленной, наверное, деспотической властью хозяина.

Большую часть подвала отделяла стена с несколькими бронированными дверьми – там были владения «кабана», разумеется, с сауной, бассейном, гаражом и ещё неизвестно с чем. Хозяйке, видимо, великолепия её половины показалось мало, и она отвоевала, судя по всему, в самом углу подвала помещение под погреб деревенского типа.

Валентину Ивановичу надлежало соорудить на стенах в четыре ряда стеллажи из белой пластиковой доски, которая бы держалась на литых алюминиевых кронштейнах.

– Здесь работы не на полдня, – заявил он сразу хозяйке, прикинув объём только сверления бетонных стен. – Кронштейны надо ставить через метр, не больше, иначе пластик будет прогибаться. Каждый кронштейн крепится на двух винтах, следовательно, необходимо просверлить сто двадцать отверстий. Каждое сверление – минимум на глубину пять сантиметров, итого общая длина отверстия получается шесть метров! В железобетоне, учтите. Тут буровому станку с алмазными шарошками работы на неделю, хозяйка. Что же это получается: тридцать три тысячи за каждый метр сверления дрелью в железобетоне?!

– Пусть о свёрлах голова у тебя не болит, – она сразу пе-

решила с ним на «ты», даже не спросив, как его зовут. – Он пообещал двести тысяч? А я плачу ещё по тысяче рублей за каждый сантиметр. Сколько получается?

– Шестьсот тысяч.

– Теперь иди за мной, возьмёшь инструмент, – сказала она, не сомневаясь в том, что он согласен.

Конечно же, он был согласен: дней за десять можно было заработать две месячные учительские зарплаты. До вечера он управился только с одним стеллажом, а их всего было двенадцать. Наглотался бетонной пыли, руки гудели от дрели.

– Закончил? – встретил вопросом хозяин.

– Только начал.

– Что же так, гегемон? Или ты прослойка, у которой руки из жопы растут?

– Там шесть погонных метров сверления в железобетоне.

– Да? Сосчитал или накинул?

– Сосчитал. Пистолет бы...

– Возьми мой, какие проблемы?

– Не такой, – усмехнулся Валентин Иванович. – Для дюбелей.

– Для дембелей сколько угодно, а для дюбелей – нет.

– Если бы и нашёлся, применять его нельзя – кафель, от выстрелов будет разлетаться. Да и кронштейны литые могут полететь.

– Ну-ну, – выставив вперёд тяжёлый подбородок, «кабан» немигающе смотрел на него налитыми глазами. – Не погреб,

а аэродром, поскольку всё в нём может летать. Действуй дальше. Пока.

По пути домой Валентин Иванович размышлял над тем, что могло означать это «пока». «Кабан» попрощался с ним или же *пока* разрешал мантулить в образцовом подвале? «И это новые хозяева страны?» – задавал он себе и такой вопрос.

И всё же жизнь в Стюрвищах у них мало-помалу налаживалась. Приехала от своего Гарика Рита и привезла Лене надомную работу – внушительную сумку с заготовками для шитья «семейных» мужских трусов. Они вытащили швейную машинку и, отпуская шуточки по поводу изделия, осваивали технологию. Впервые за две недели лицо у Лены разгладилось, а глазам её возвратился обычный для них блеск.

Распоряжалась близлежащим окружающим пространством, как всегда, Рита:

– Мы будем строчить, а ты, братишка, найди длинный гвоздь и вдевай резинки. Всё-таки шестьсот рубликов штука.

– Одна резинка?

– Нет, всё изделие.

– Не густо.

– «Новые русские» на работу денег не швыряют.

– Это я сегодня понял. Руки так набил, что резинка для меня, извините, слишком изящный предмет.

– Смотри, как бы тебя не надули. Как меня один *кинул*, – так это сейчас называется. Напросилась я к одному хмырю

учить английскому языку его хмырёнка. «Рита Белова», – в шутку представилась, потому что как назовусь Черновой, то сразу же получаю вопрос или замечание: как, вы такая яркая блондинка, нет, фамилия у вас неправильная... Обрыдло объяснять, одним словом. Беловой назвалась только поэтому, без всякой задней мысли. «А-а, слышали», – просиял он своей бронзовой сковородкой.

Недели две помучилась с хмырёнком, а его папаша вдруг в претензии ко мне: «Ты не та Рита Белова, которая на Би-Би-Си учит английскому языку радиослушателей. Я думал, что та, а ты совсем другая. Поэтому в твоих услугах мы больше нуждаемся». Ничего себе претензия! «Так вы полагали, – спрашиваю, – что я по ночам работаю в Лондоне, а утром мчусь на помеле в наш Пересранск учить ваше чадо?» На полнейшем серьёзе отвечает: «Конечно!» – «В этом случае вам никто не поможет», – говорю я, толсто намекая на полнейшую клинику, и прошу рассчитаться со мной за десять уроков. «Сожалею, но не вижу оснований, поскольку ты обманула нас». – «Это вы обманулись, при чём же здесь я?» – спрашиваю. «Вот именно, при чём здесь ты! Ребёнок всем рассказывает, что учительница английского у него Рита Белова, а его поднимают на смех. Прибегает весь в слезах. Тут, извини, морального ущерба куда больше, чем полагается тебе за десять уроков. Ты должна нам заплатить, а она ещё за свой обман какие-то деньги требует, нахалка!»

Жаль, что в паспорте у меня написано «Чернова», а ес-

ли бы было «Белова», я бы ему всю сковородку разметила в глубокую полосочку. Так и не заплатил ни рубля, подонок. С тех пор, братишка, завела железное правило: деньги вперёд. Предоплата называется.

– Ты этому, своему русскому языку детей учишь или всё же литературному? – поинтересовался у неё Валентин Иванович.

– Тоже мне, стилист выискался! Да пошёл ты, братишка, знаешь, куда? – беззлобно сказала она.

– Да, я пошёл. Поправлю-ка дверь и окно, девушка, в твоём мезонине. Там зимой будет свежо, там такие щели...

– Зато не жарко. Я там всю зиму почти прожила, закалилась. Если уж было в невоготу – тогда вниз, к тётке на печь.

IV

И всё-таки жизнь у них постепенно налаживалась. Он заменил в доме несколько прогнивших половых досок, отремонтировал лестницу, ведущую в Ритин мезонин, утеплил двери и окна. Лена, кажется, выходила постепенно из своего оцепенения, строча «семейные», которые Рита отвозила в город и возвращалась оттуда с деньгами и новыми заготовками. Если Рита исчезала к Гарику на несколько дней, то Лена не находила себе места, то и дело смотрела на дорогу. Но Рита возвращалась, и всё опять шло своим чередом.

Со стеллажами Валентин Иванович еле управлялся до на-

чала учебного года. Работать ему разрешалось начинать в десять, а то и в одиннадцать часов утра, поскольку хозяева или их гости до этого времени дрыхнули. Между прочим, при этом им совершенно не мешало изматывающее, душе-раздирающее бляение козлят, которых они любили зажаривать на вертеле тушками. Привозили только козочек два-три раза в неделю, привязывали к бетонному столбу – опоре гирлянды стеклянных фонарей, освещающих по вечерам газон перед коттеджем. Козлят не кормили и даже ничем не поили. Несчастные животные вытоптали копытцами газон, тянулись мордочками к зеленой травке, которая была у них перед глазами, но ущипнуть её они не могли. Перед закланием они должны были, судя по всему, очиститься таким варварским способом и приобрести особые гастрономические свойства. Их бесконечное «ме-е» переворачивало Валентину Ивановичу душу. За мучительство бедных козлят он возненавидел хозяев.

«Кабан» платил ему тем же. Его «пока» становилось всё более угрожающим. Победитовые сверла затупились в первый же день, долбить дырки приходилось в основном шлямбуром, и поэтому «кабан» прозвал его «дятлом». Хозяйке нравилось качество работы, но она заставила загрузить один стеллаж коробками с мясными консервами, тушёнкой, сгущёнкой и ещё какими-то тяжеленными банками, – запасов еды тут было столько, что произвольно возникала мысль о подготовке к продолжительной осаде. Сооружение не шлох-

нулось. Довольная результатами испытаний хозяйка впервые за несколько дней изобразила постоянно сомкнутыми губами начало то ли улыбки, то ли усмешки.

Валентин Иванович решил не упускать благоприятный момент: предложил посадить на участке сад. Долбя дырки в железобетоне, он задумал заложить на одичавшем приусадебном участке тётки Аграфены питомник для плодовых культур. У Алексея Алексеевича он ходил в лучших садовых, считалось, что рука у него лёгкая, поэтому сажать, обрезать, прививать, бороться с болезнями и вредителями сада он умел.

Это занятие в здешних условиях могло оказаться прибыльным, но первый доход питомник мог дать лишь через год – саженцы смородины, крыжовника, актинидии и йошты, новомодного гибрида смородины и крыжовника, если их посадить весной, только к осени станут товаром на продажу. Саженцы яблони и груши – через два, если сейчас позаботиться о подвоях, приобретя парадизки для пользующихся спросом карликов и полукарликов. Можно будет продавать саженцы яблони и груши уже будущей весной, если заняться зимней прививкой на подвои с хорошей корневой системой. Но это было рискованным и дорогостоящим занятием, – куда проще заняться выращиванием рассады перца, капусты, томатов, салатов.

Лена тоже любила копаться в земле, но нужна была теплица. Ещё не поздно было посадить землянику, – потом её

можно будет размножить семенами. На всё это нужны были деньги, и тут он всё продумал, предусмотрел: садовые участки у строителей и заводчан были изрядно запущены, нужно было обрезать деревья, удалять корневую поросль. Он предложит свои услуги, будет брать за приведение в порядок участков недорого, но зато запасётся из поросли саженцами сливы, вишни, черноплодной рябины, смородины и крыжовника, привоями лучших местных сортов яблони и груши. Короче говоря, серьёзной конкуренции, как в строительстве, в садово-огородном деле не ожидалось, и перед ним открывались хоть какие-то перспективы.

Хозяйка убрала начало улыбки с лица, прищурилась на несколько секунд, пожевала губы, что должно было, видимо, свидетельствовать о напряжённом мыслительном процессе, а потом повернулась к выходу, махнула рукой, мол, следуй за мной. Валентин Иванович последовал, с досадой думая о том, что они относятся к нему с необъяснимым для нормальных людей презрением: не поинтересовались даже его именем, не назвали соответственно и своих имен. Казалось бы, обычнейшее человеческое дело – представиться друг другу, но нет, здесь это считалось излишним или же противоречило соблюдению какой-то коммерческой тайны. Это или выходило за границы человеческих отношений, или же не являлось таковыми, – во всяком случае, Валентину Ивановичу здесь было очень неуютно.

«Кабан» в беседке отмачивал своё волосатое тело баноч-

ным пивом. У ног лежали два рыжих бультерьера, которым он совал куски козлятины, а те отворачивались. Когда Валентин Иванович приблизился, собаки-убийцы встали, направили на него противно вытянутые, как бы припухшие морды и фиксировали немигающими, злобными глазами каждое его движение. Поэтому он и не решился подняться вслед за хозяйкой в беседку, остался внизу.

– Вот он предлагает посадить у нас сад, – сообщила она. «Кабан» глотнул пива, захватил нижней губой верхнюю, а потом, помедлив, уставился на Валентина Ивановича и наконец спросил:.

– Так ты не только «дятел», но ещё и Мичурин? Ботаник, значит? «Ботаник здесь, оказывается, – это презрительная кличка, я и не знал», – подумал Валентин Иванович и не торопился с ответом.

– И кого предлагаешь посадить? – спросил «кабан», вкладывая в последнее слово явно не садово-огородный смысл.

– Плодовые деревья, кустарники. У вас суглинок, высокое место, небольшой наклон к югу – как раз то, что для сада надо.

– И яблоки?

– И яблони.

– И груши?

– И груши.

– И даже такие, как дули?

– И такие, как дули.

Неожиданно «кабан» запрокинул голову назад и, выпятив острый кадык, захохотал, громко, в крик, так оглушительно, что собаки дернулись, по их короткой шерсти волнами пошла дрожь, они не понимали: бросаться им на незнакомца сразу или же дожидаться более чёткой команды от хозяина. У Валентина Ивановича по спине побежали холодные мурашки, однако «друзья человека» немного успокоились, терпеливо дожидались конца веселья их повелителя. Наконец «кабан» устал от хохота, смахнул пятернёй набежавшие слёзы, запил пивом и сказал жене, не скрывая своего презрения и к ней:

– Ну ладно, он – Мичурин, а ты... Ты думаешь, что я доживу до дуль на грушах?!

И опять захохотал, теперь нервно, истерично, и Валентин Иванович вернулся в подвал.

В тот день, когда ему осталось пробить несколько последних злополучных дырок, к хозяевам нагрянуло особенно много гостей. Возле столба бляло три козлёнка. Обычно – один, два, а тут сразу три. «Быстрее бы закончить да обратиться отсюда», – думал Валентин Иванович, со всего размаха нанося удары молотком по шлямбуру.

Однако закончить работу ему не позволили. В подвал спустилась хозяйка и заявила:

– Мы считаем, что сегодня тебе работать не надо.

– Почему? – удивился он. – Мне осталось повесить всего три кронштейна. Тут на два часа работы.

– Я повторять не намерена. У нас дважды не повторяют. Ты мешаешь нашим гостям. Приходи завтра после обеда. В середине дня мы уедем...

– Извините, а когда я получу деньги за работу? Нельзя ли сегодня?

– Нет. Ты не закончил работу.

– Вы мне не доверяете, не верите, что я закончу работу?

– Сейчас никто никому не доверяет и никто никому не верит.

– Как же это получается: вы уедете в середине дня, а мне предлагаете приходиться после обеда?

– Здесь будут племянницы. Получишь у них конверт.

Она удалилась. Нехорошее предчувствие овладело Валентином Ивановичем. Она же меня вообще за человека не считает, думал он. Я же для неё куда ничтожней, чем абстрактный «никто», который никому не доверяет и никому не верит. Я ведь поверил им, когда начинал работу, верил, что они всё-таки люди, вкалывая полмесяца в подвале. Если поверил, то, значит, хуже, чем «никто». Выходит, что «никто» для меня – это недостижимая нравственная и социальная высота, мне до неё ещё подниматься, карабкаться... Опять сестрёнка Рита права?

Когда он вышел из подвала, то увидел в беседке много гостей. По этому случаю «кабан» надел даже майку, чёрную почему-то, с огромными золотистыми буквами «Made in USA» и хищным орлом. «Это надо понимать, наверное, как свиде-

тельство того, что он уже приобщился к «цивилизации», – язвительно подумал Виктор Иванович и направился к выходу.

Однако «кабан» тоже заметил его, окликнул: «Эй, Мичурин! Освежи пасть!» – и широким жестом швырнул ему банку пива. В беседке угодливо засмеялись. Банка, катясь по дорожке из красной гранитной крошки обогнала Валентина Ивановича, но он, не оборачиваясь, перешагнул через неё, продолжив путь к калитке. Сзади наступила тишина. Валентин Иванович открыл калитку и с огромным облегчением закрыл за собой: во всяком случае тут он недосягаем для собак-убийц, и стал обходить иномарки, столпившиеся напротив коттеджа.

«Господи, почему же Алексей Алексеевич и такие, как он, остались ни с чем, а вот такие одноклеточные стали хозяевами всей нашей жизни?» – воскликнул он в душе, и тут же кто-то грубо схватил его за плечо. Сзади – малый с квадратной челюстью, бритые виски, короткий ёжик, бугры мышц под тугой тенниской, в подмышке кобура и из неё торчала рукоять «пушки».

– Возьми, – ткнул он в руки полдюжины пива в полиэтиленовой упаковке и угрожающе предупредил: – Попробуй только не взять...

Валентин Иванович взял. Через некоторое время до него донесся торжествующий возглас: «Я же говорил: возьмёт! Ему мало показалось...» Остальное утонуло в хохоте.

Если бы Валентин Иванович знал, что «кабан» созвал гостей на трёхлетний юбилей своих псов – Кусатика и Рватика, что именинникам был приготовлен специальный торт из гусиной печёнки, из говяжьих языков, мелких куриных косточек, и в него уже были воткнуты шесть свечей, и гости вскоре наперебой будут стараться поучаствовать вместе с хозяином в их задувании, что козочки будут разорваны бультерьерами, освежены и запечены для них на вертеле...

V

Следующим днём было первое сентября, и приходилось оно на воскресенье. Если бы не второго, а первого сентября начинались занятия в школе, то Валентин Иванович скорее всего не пошёл бы заканчивать последний стеллаж, – до того его оскорбила, покорибила история с пивом. Выбросил бы из головы, пусть это было бы похоже на тот случай, когда покупают билет, а идут пешком, но он заставил бы себя забыть обитателей коттеджа, из презрения к ним забыть – и всё.

– Валька, милый, от тебя остались кожа да кости, – сказала утром Лена. – Я тебя почти не вижу. Они там тебя не кормят совсем, что ли?

– В горло не лезло, – ответил, а сам подумал: «Святая простота! Считает, что я имею дело с людьми. Они за полмесяца мне глотка чаю не предложили! Не считая пива, конечно...»

– А когда деньги получишь?

– Держи карман, подруга, шире, – как всегда к разговору подключилась Рита. – Сто тысяч задатка принёс – скажи: спасибо. Да ещё голландского пива шесть банок. Так что не раскатывай особо губы.

Задатка никакого не было. На одном участке он перетаскал целую машину шестиметровых брусьев, сложил их, чтобы просыхали, – заработал сотню, а сказал, что дали задаток. Не хотелось выглядеть в их глазах, что называется, лохом.

– Сегодня должен получить, – сказал он таким тоном, словно подписал себе приговор.

Отправился в лес. Притащил один чурбак, второй, третий... Время как остановилось. Он давно приноровился пилить двуручной пилой один, распилил чурбаки, поколол, сложил поленья в сарае. Наконец-то радио у каких-то соседей пропикало полдень. Он хотел, было тронуться в путь, однако Лена предложила немного подождать и пообедать.

– Извини, я забыла даже, когда ты обедал в последний раз дома, – сказала она за столом.

– Я тоже, – ответил он, обжигаясь горячим, наваристым грибным супом.

– Куда ты так спешишь? У тебя же язва была, очень горячее тебе вредно.

– Не надо за столом о болячках, – пришла на помощь Рита.

– У меня ещё котлеты с картофельным пюре и грибочками, а также компот, – похвасталась Лена.

– О котлеты, о компот! – торжественно воскликнул Ва-

лентин Иванович. – Живём, братва, шикаем!

– Не шикаем, а просто ва-ля-ем-ся! – уточнила Рита и изобразила, каким же образом это у них получается: взмахнула, разбросала руки, наклонила голову, положила её на своё плечо, закрыла от удовольствия глаза – словно не в Стюрвищах они, а, по крайней мере, на морском берегу где-нибудь на Канарах.

«Хороша собой, ох, хороша, плутовка!» – отметил про себя Валентин Иванович. А Лене, чувствовалось, было приятно кормить его, быть настоящей женой и хозяйкой.

Дорога к коттеджу вела через вековой бор – гулкий, светлый, просторный. Где-то далеко-далеко перекликались грибки, – Валентин Иванович завалил Лену и Риту белыми, подосиновиками, подберезовиками. «А опят тут – вообще кошмар!» – предупредила Рита. Не в бору, конечно, где-то в ельниках, березняках.

Крепыши с коричневыми шляпками так и норовили попасться ему на глаза, он отворачивался, не поддавался соблазну, – и всякий раз при этом к нему приходила мысль о том, что грешно не брать того, чем лес одаривает. На обратном пути соберёт...

Возле коттеджа никаких машин не было, на участке – тихо и пустынно. Каким-то козлятам повезло, а ему? Калитка заперта. Да и калиткой называть тяжёлую дубовую дверь, окованную железом, разукрашенную чеканкой, – значит – грешить против истины. Нажал на кнопку, выждал минуту,

нажал ещё. Нехорошее предчувствие, кажется, начало сбываться...

– Заходи, – раздался вдруг недовольный и нагловатый женский голос, и в устройстве калитки что-то щелкнуло.

Дверь в подвал была открытой. Последние дырки он прибивал прямо-таки с остервенением. Собирал последний стеллаж и привинчивал его с такой скоростью, словно за ним гнались, – выбраться, наконец, из этого проклятого погреба ему казалось счастьем. Как же человеку мало нужно, удивлялся он, собирая инструмент.

Внутри коттеджа, опять же не без удивления, прошёл свободно. «Кабан», как и следовало ожидать, жил по-царски: тут стояла такая мебель, которую Валентин Иванович видел разве что в кино. Красное дерево, его он вообще никогда не видел, но догадался, что здесь именно оно, мрамор, бронза, резные двери, инкрустированный пол, – ну куда ему с детдомовским рылом да в такой калашный ряд!

– Не проходи мимо, – услышал он из-за приоткрытой двери тот же голос, но не такой недовольный и наглый, как в первый раз. В нём чувствовалась даже игривость...

– Можно? – спросил он, открывая дверь.

В помещении, куда он попал, был полумрак. В глубине комнаты угасали в два ряда экраны, – он вначале принял их за странное, длинное окно, но потом догадался, что тут не желают раскрывать ему систему телекамер. Когда глаза привыкли к полумраку, он заметил возле настоящего окна жен-

скую фигурку.

– Помоги с железками справиться, – услышал он почему-то совершенно другой голос.

Разумеется, Валентин Иванович бросился на помощь даме. Однако никаких ни шнуров, ни рычагов, чтобы справиться с жалюзи, найти не мог.

– Может, свет включить? – предложил он.

– Да он погас только что, вырубили, – ответила незнакомка, потом взяла его за кисть правой руки и со словами: «Не лучше ли нажать сюда?» прижала её к твёрдой девичьей груди.

В этот момент жалюзи распахнулись, девушка, приснув от смеха, как бы застеснялась своего слишком смелого поступка, а халат тем временем соскользнул с неё и упал на пол. Она была совершенно голой. Стараясь не смотреть на неё, Валентин Иванович поднял халат и протянул его девушке.

– А почему ты нос воротишь? Не нравлюсь, да? – вместо того, чтобы взять халат, она сделала несколько шагов назад, повиляла бедрами, поиграла руками в воздухе, призывно вытягиваясь. А потом подбежала к нему, одной рукой обняла его, остолбеневшего, за шею, а другой гладила волосы, щёки, провела пальчиком по густым, чёрным бровям и сказала:

– Облицовка у тебя ничего, классная даже. Подходит... А я всё не нравлюсь тебе, нет?

Она ошалевала, её рука на его шее стала мелко-мелко дрожать; возможно, она была уже ошалевшая от наркоты. Об-

лизывая пересохшие губы она вновь расхвалила его «облицовку», особенно нос, намекая на зависимость размера носа с ещё одной частью мужского тела. Затем, прижавшись к руке, вернее, предплечью, повернула его в другую сторону, прошептав: «Если я тебе не нравлюсь, то посмотри туда...» Шёпот был противный, нарочитый...

На огромном ложе, разметавшись, лежала ещё одна нагая прелестница.

– Эх, мужика бы, – потянулась и эта. – Как насчёт группен-секса? Можешь или нет? Не умеешь – научим.

– Нет, красавицы, у меня СПИД, – сказал он, окончательно приходя в себя. Впрочем, никакие они не красавицы, подумалось ему, – подщипанные, подрисованные, подкрашенные. Телевизионный стандарт, таких табунами каждые пять минут по ящику показывают.

– СПИД или спит? – поинтересовалась на ложе. – Если спит – разбудим, если СПИД – резинку наденем.

– И то, и другое.

– Нам подходит и такой вариант, – не унималась прелестница, приподнялась, протянула руку, другой оперлась на локоть – прямо-таки Даная. – Иди ко мне, иди, сладкий ты мой...

А другая принялась ему расстегивать брюки, мурлыкая что-то себе под нос.

– Хочешь с меня последние джинсы снять? Они не клёвые и не классные, мэйд ин Торжок, – сказал он, отвёл её руки

от ширинки и спросил девицу на ложе: – А где мой конверт?

– Вот он. Иди ко мне, получишь конверт, – она достала его из-под подушки, повертела им и сунула туда же.

– Иду, лови! – неожиданно согласился он, упал на ложе и тут же оказался в объятьях обеих сразу.

Кто-то из них совал ему в лицо сосок своей груди, кто-то запустил опять руку ему в ширинку, а он тем временем шарил под подушкой, нащупал конверт и высвободился от ошалевших девиц. Вскочил на ноги и, помахивая конвертом, направился к выходу:

– Счастливо оставаться. Ничем помочь не могу.

– Вали отсюда, импотент несчастный!

– А конверт не тот, не тот, ха-ха-ха!

– Покажи тот! Ну!

– Не нукай. Не запрягал. Даже не трахнул...

Он опрометью ринулся прочь, чего доброго, девицы могли заблокировать входную дверь – уж она-то здесь бронированная. Это не дом, а какой-то броненосец или бронепоезд. А эти девочки, думал он, которых по телевизору с утра до ночи моют, чешут, мажут, прокладывают, а они умильно выводят нежными голосками «Каждый день с кэфри!», словно у них никогда не прекращаются омерзительные выделения, способны на всё. Мало того, что на «винт» тут можно намотать такое, что никакой диспансер диагноз не поставит, так они ещё от нечего делать, скуки ради могут отправить за решётку – набросился, изнасиловал, совершил покушение

на их девичью честь. Их две, попробуй доказать, что ты не «кэмел». О времена, о нравы!..

Только оказавшись за оградой он перевёл дух, вскрыл конверт. Там было несколько бумажек и записка «Минус 300 тыс за ниуважения к хазяивам плюс пива». Дамской рукой, между прочим, исполнена записочка...

– Ух, жлобы, ух, сволочи... – заскрежетал он зубами, а в окне на втором этаже показались девицы. Они корчили ему рожи и показывали языки. А он им показал, что ищет камень, чтобы запустить в них, – девицы отпрянули от окна.

А дома...

Лена копной сидела на крыльце, держась за поясницу. Рядом лежал узел, судя по всему, с одеждой. По лицу жены струился пот, она постанывала от боли.

– Валечка... началось... где... же... так... долго... ходил...

– А Рита, Рита где?

– За... машиной...

И тут, вздымая клубы пыли, возле дома остановился старый, дребезжащий «москвич».

Спустя час Лена была уже в роддоме. Ехали медленно, осторожно, несколько раз останавливались. «Что же вы, папаша, так затянули! – ругалась медсестра в приёмном покое. – Воды уже отошли!» Лену увезли прямо в родильное отделение. Рита предложила ему вернуться домой на машине, мол, обычное бабье дело – рожать. Лена – девица креп-

кая, в два счёта справится. Но Валентин Иванович подобное и представить не мог: как он может оставить тут Лену одну?! Рита махнула на него рукой и уехала.

Ещё через час, или два, может, даже три, поскольку Валентин Иванович не знал, сколько времени он проторчал перед роддомом, с надеждой вглядываясь во все окна, пока, наконец, в одном из них появилась медсестра, та самая, ругучая, показала ему белый свёрток с красноватым, должно быть, орущим сколько было мочи, пятном. Вывела на стекле пальцем «сын» и поставила восклицательный знак. Потом, видимо, ей этого показалось мало, она кивнула головой вглубь палаты, мол, жена твоя и твой сын – во, на большой.

«Алёша, сынок», – прошептал он с новым, неизвестным раньше чувством, с тем же чувством осенил себя крестом и тут же, не помня себя от радости, исполнил какой-то дикарский танец. И медсестра, и две роженицы, занявшие соседнее окно, улыбались.

До Стюрвиц добрался на попутке где-то в полночь, но все окна светились. Он вбежал в дом и крикнул:

– Алёша у нас, Алёша!

Рита прижала указательный палец к губам, и только теперь Валентин Иванович заметил, что в доме полно старух, что тётка Агафья лежит на сундуке со свечой в скрещенных руках.

– Не дождалась, соколик, твоей весточки, преставилась сердечная, – сказала какая-то старуха.

В глазах у Валентина Ивановича потемнело. Он вышел на крыльцо, бился лбом о ребро столба – не чувствовал боли, от обиды и несправедливости хотелось плакать, но он давно уже разучился плакать. Рядом щёлкнула зажигалкой Рита, закурила.

– Будь мужчиной, братишка.

– Ну почему, почему, Рита, так?! У меня за всю мою жизнь один по-настоящему счастливый день, не день, а только полдня, всего несколько часов, и тут же тебя обухом по голове! За что же, сестрёнка?!

– Не спрашивай, а привыкай, – ответила она, помолчала, затем добавила: – А вы – настоящие педагоги! Подумать только – подгадали Алёшу точно к первому сентября!

VI

В ту ночь Валентин Иванович не сомкнул глаз. Попросил у соседей переноску, провёл свет в сарай и, сняв с чердака доски, стал ладить тётке Аграфене гроб. Из одних и тех же досок и домовина, и зыбка, думал он, строгая пересохшую, твёрдую, как камень, древесину. На кровать тебе, сынок, отец твой ещё не заработал...

Рита тоже не спала, то и дело заглядывала в сарай. В их прежней жизни смерть была понятием весьма отвлечённым. Конечно, однокашники по детдому погибали в горячих точках, кого-то убивали в опасной нынешней жизни, но вот так

наглядно, когда в доме, где они жили, лежала покойница, они со смертью столкнулись впервые. Валентина Ивановича это ошеломило, Риту – тоже, хотя она и не подавала виду, однако, держалась поближе к братишке, вдвоём было легче, не так страшно и не так всё необъяснимо.

– Рита, гроб ведь чем-то обивают. Ты не знаешь? – спросил он. – Да и как...

– Не знаю, – впервые услышал он такой ответ от Риты.

– Спроси у старух. Если у них есть для этого материал, так я куплю. Деньги есть, почти триста тысяч.

– Богач.

– Сходи и спроси.

Рита ушла и вернулась со старухой с клюкой.

– Это тетя Маня, послушай её, – сказала сестрёнка, усаживая гостью на колоду.

– Соколик, не убивайся, – начала старуха проникновенно. – Беда небольшая, когда старый человек умирает. Все там будем. С Агашей, царствие ей небесное, мы дружили с детства. Весной нас, по случаю 50-летия Победы, пригласили в военкомат – по сто тысяч дали и по подарку. Мы с ней в партизанах были. Не думай, соколик, и ты, дочка, что тётка Агафья всегда была такой забубёхой. У меня одна медаль с войны, а у неё боевой орден и две медали, юбилейные не в счёт. Она и партейная была, председателем колхоза сразу после войны была. Одна вдовья солдатка несла с фермы бутылку молока своим деткам, своей коровы у неё не было, а

уполномоченный из района её и поймал. Да в кутузку, а дома – пять сирот голодных, мал мала меньше. Уж как Агаша умоляла уполномоченного простить несчастную – её Матрeной зовут, приползла только что, оплакивает свою защитницу... А уполномоченный – ни в какую. «Ты воевал, гад?» – спросила тогда его Агаша. «Какое это имеет значение?» – выверился уполномоченный. «А вот такое!» – сказала Агаша да оглоблей, оглоблей давай его охаживать. И ногу ему перебила, и рёбра поломала, – еле отняли его у неё. Ежели бы не партизанка, не орденоноска, не партийная, то все бы двадцать пять дали, а так только пять лет. Вместе с Матрeной и отсидели. Суженый был у Агаши, да оказался ряженым. Сгинул куда-то, не пожелал с тюремщицей знаться. Потом Агаша призналась мне, что от этого уполномоченного её старшая сестра понесла и повесилась. Эх, и жизнь была...

Старуха вздохнула, сняла одну руку с клюки, закрыла ею морщинистое, скукоженное лицо, и Валентину Ивановичу показалось, что она заплакала. Нет, не заплакала, провела пальцами по лицу сверху вниз, словно снимая с него только ей ведомое наваждение.

– Да, – поймала прежнюю нить своего рассказа тётя Маня, – так идём мы из военкомата, я и говорю: давай зайдём в магазин да кофточку тебе купим. В чём в гроб тебя класть, подруга? Вот как раз и дали на кофточку, завоевала ты её, а что останется – сахарку купим, самогонки наварим на похороны. На мои ли, на твои ли – пусть стоит. Не прокиснет.

Сказано – сделано. Так что насчёт выпивки да закуски не беспокойтесь. Внуки Матрёны с утра могилку выкопают. А ты, соколик, не вздумай гроб в атласы да бархаты обряжать – отродясь мы их не носили. У тебя сыночек родился, для него копейку сохрани. И попа пригласим, не боли об этом твоя голова.

– Спасибо вам, – сказал Валентин Иванович.

– Тётка Аграфена, оказывается, героическая личность. И не подумаешь, – вслух размышляла Рита.

Тётя Маня, поохивая, поднялась, переступила с ноги на ногу, поосновательней оперлась на клюку.

– Вот что ещё, соколик. Не приведи, Господь, чтобы Лена узнала. Молоко-то может и пропасть, что делать будете? Это вам не город, тут детского питания нету. Когда выйдет из роддома, потом и скажем. А Сергею отбей телеграмму. По-христиански поступи. Пусть сам решает: приезжать ему или нет... И ещё одно, как бы это тебе сказать, – почмокала губами старуха. – Покойная, царствие ей небесное, всё-таки была с прибабахом. Осерчала она как-то на Лену и кому-то отписала дом. За выпивку. А кому – сама не может вспомнить. Зимой я её донимала: Агафья, ты пригласила племянницу к себе на житьё, а кому-то дом отписала! Что же ты так с сиротой обходишься?.. Убей меня, говорит, не помню, как это было. Охотники из города приезжали, вот кому-то из них по пьяни дом и подарила. Больно уж хорошие мужики были. Я её спрашивала: «Печатью заверяли?» – «Какая печать,

Господь с тобою!» Так вот, подруга, говорю, пока мы с тобой на ногах, пойдём и оформим завещание на Лену. Чтоб с печатью, честь по чести, не по пьяни. Сделали мы его, за икону спрятали. Там оно, я поверяла... Ну, заговорила я с вами. Пойду к подружке. А насчёт домовины, соколик, не переживай. Мы её чёрной красочкой покрасим, стружек наместим, белые рюшечки приладим – мягко и красиво Агаше будет...

То, что рассказала тётя Маня, отозвалось в мятущейся, сбитой с толку душе Валентина Ивановича – там пошла, он чувствовал это, какая-то нужная и полезная работа. В его сознании как бы распутывались узлы, пока немногие, но ведь распутывались. К нему неожиданно, как ему показалось, пришла мысль о том, что они, детдомовские, были лишены не только материнской и отцовской любви и заботы, но ничем не восполнимой ласковой мудрости бабушек и дедушек. Да и только ли они, детдомовские? Не отсюда ли неприкаянность, беспривязность к чему-либо или к кому-либо, убеждение в том, что жизнь – это то, что хочу, то и ворочу, поскольку ты – космос, если не Вселенная, то уж по крайней мере пуп Земли? Он давно простил свою мать, которая отказалась от него в роддоме, простил после того, когда развеялись, как дым, детские ожидания, что вот-вот появится мама или папа, что они обнимутся и вместе сладко-сладко заплачут. В десять лет с неприсущей его возрасту зрелостью он рассудил: он ей не судья, кто знает, может, она не могла поступить тогда лучше, а если она виновата, то Бог

неприменно накажет её. Теперь он понимал, что не месть самое страшное для неё, а воздаяние по заслугам, от которого ей никуда не деться. Зло не исчезает, оно непременно возвращается тому, кто его породил. И ещё: теперь он понимал, что она совершила нечто большее, чем просто оставила его в роддоме. Каждый человек – звено в цепи предков и потомков, а она выломала его из неё, лишила своего рода, обрекла его в этом смысле на вечное одиночество, на жизнь среди чужих. Значит, и она по своей дури или по чужой воле тоже выломалась, ожесточилась, потеряла облик человеческий, – у неё даже не проснулся материнский инстинкт. Неспроста, ох, неспроста у тех народов, где старые люди пользуются самым большим уважением и почётом, прочные традиции, крепкие семьи, много детей... А у нас «хазяива» даже тридцатилетних списывают из жизни: чем зеленее да глупее, тем легче лепить по образу своему и подобию?..

– Валька, что с тобой? Ты плачешь? Очнись! – затормозила его за плечи Рита.

– Задумался.

– Ничего себе – задумался! Стоишь и стоишь, молчишь и молчишь, потом слёзы показались, опять стоишь и молчишь... Тебе выпить надо, расслабиться. Вкалываешь, как папа Карла, а разрядки никакой. Я испугалась, подумала, что у тебя крыша поехала.

Братишка, тебе надо принять. У меня тут шкалик коньяку где-то припрятан. На всякий случай, вот он и пришёл, слу-

чай...

– Мне на работу к восьми утра...

– Да кто тебя осудит – сын родился! И тётка умерла... Так я пошуршу?

– Пошурши.

«Странно, как вода», – подумал Валентин Иванович после несколько глотков прямо из «шкалика», и тут же всё поплыло у него перед глазами. Рита совала ему в рот конфету, а он бормотал:

– А ты говорила: лженарод... Есть люди и лжелюди... Первых, таких как Алексей Алексеевич, как тётя Маня, всё равно больше. Пока больше. Только они слабее. А слабее потому, что порядочнее...

VII

В школу Валентин Иванович явился в половине восьмого. Анна Иоановна, в строгом тёмном костюме с огромным белоснежным воротником, была особенно монументальна. Она командовала учителями и учениками, которые, как могли, пытались придать обшарпанной школе хоть какой-то торжественный вид. Он поздоровался и поздравил её с праздником.

– Спасибо, вас тоже. Всё знаю, дорогой вы мой, – она взяла его под руку и повела в свой кабинет. – Нельзя же так, Валентин Иванович. Вы весь почернели, нет, обуглились! Не

предъявляю никаких претензий: знаю, что вы день и ночь шабашили, зарабатывали деньги. Закрывает глаза и на то, что вы даже не появились на районной учительской конференции. Кое-кому это очень не понравилось, ну да Бог с ними. Как Елена Дмитриевна, как малыш? Да что же это я – совсем из ума выжила, что ли – забыла поздравить! С первенцем вас, с наследником! Как они?

– Не знаю.

– Как это – не знаю?! Звоните немедленно, вот телефон, – она решительно поставила перед ним аппарат. – Впрочем, лучше через две-три минуты, я уйду, а вы звоните... А по печальному поводу – примите мои соболезнования. Вы свидетельство о смерти оформляете?

– Какое свидетельство? – удивился он.

– Да чем же вы занимались? – воскликнула Анна Иоановна возмущённо.

– Я из роддома в полночь приехал, до утра гроб делал.

– Он и гроб делал! Сам?

– Сам.

– Боже мой! – она всплеснула руками. – Неужели у нас совсем мужиков не осталось? Вокруг ещё люди живут, Валентин Иванович! А со свидетельством... Вы знали, что без него нельзя хоронить?

– Нет.

– Да откуда вам и знать... Вы же у нас, извините великодушно, инкубаторские. Дайте сюда телефон! И садитесь,

нечего торчать...

Она звонила в больницу, милицию, ЗАГС, а директору совхоза – насчёт бортовой машины. Потом опять в больницу, доказывая им, что во вскрытии нет никакого смысла, вам, мол, делать больше нечего, как кромсать старушек, вы и меня, наверное, когда умру, искромсаете? На вскрытии настаивает милиция? Анна Иоановна звонила участковому, кричала ему, что они инкубаторские, племянница родила, а бабушка Богу душу отдала. Да, Иван Максимович, они о жизни никакого представления не имеют, не то, что о смерти! Что вы, Иван Максимович, что вы... Да вы что?! Это вы меня разыграть решили, не иначе. Не верю!.. Да, да... Если уж такой порядок, то тут ничего не попишешь... Заходи, Иван Максимович, давненько не виделись...

– Фу-у, – Анна Иоановна бросила трубку. – Дорогой Валентин Иванович, ещё вчера следовало отправить тело в морг... Хотя, до этого ли вам было... Значит, так: сейчас за телом приедут. К концу дня, дай Бог, получите заключение и потом с её паспортом поедете в ЗАГС за свидетельством. Так что похороны завтра, не раньше. Насчёт бортовой машины я договорилась. Теперь скажите мне честно, как сказали бы, извините, родной матери: сколько у вас денег, они вообще есть у вас?

Валентин Иванович сжал губы, потому что родной матери он ничего бы не сказал, но не стал уточнять это обстоятельство, пересилил себя:

– У меня почти триста тысяч, у Лены сто пятьдесят.

– Что у Лены – это не в счёт. На старые – это чуть больше тридцати рублей. И на похороны, и на крестины, – помрачнела Анна Иоановна, потом решительно подошла к сейфу и выложила перед Валентином Ивановичем ещё триста тысяч. – Возьмите, потом напишете заявление о материальной помощи. У школы больше нет, дома у меня – тоже, а эти я держала на самый крайний случай.

– Анна Ивановна, я не могу взять последние деньги, – заявил он и сделал два шага назад от стола.

– Знаете что?! – заорала она вдруг, покрываясь красными пятнами. – Он ещё кочевряжится! Берите! – она схватила бумажки и воткнула их в нагрудный карман пиджака. – И выметайтесь отсюда! Нет, постойте, пойдём вместе на торжественную линейку.

– Извините, Анна Ивановна.

– Вот-вот, теперь – извините, – она достала пудреницу и принялась запудривать красные пятна. – А где мне нервов на вас набраться? Ещё не начинался учебный год, а нервы уже – ни к чёрту. Впрочем, они давно уже такие... Не обижайтесь на меня, старуху, только откуда вы берётесь на мою голову такие: что учителя, что ученики... Ну, настроение, настроение! – убеждала она себя, закрыв глаза. – Пойдёмте!

Дальнейшее Валентин Иванович воспринимал как во сне. Вроде бы ему солнце било в глаза, когда он стоял на крыльце с педагогами, представителями власти и общественности,

вроде бы ему маленькая, востроносенькая дама в больших дымчатых очках язвительно заявила: «Наконец-то мы имеем честь видеть вас». Из чего следовало, что это завуч Лилия Семёновна, «гадюка». Рита показала глазами на неё и взглядом сказала: «Слыхал? Я тебя предупреждала!..»

Он почему-то очень отстранённо видел внизу школьников, стоящих не по классам, а толпой, в которой находились и две племянницы «кабана», глазели на него нагло и при этом презрительно лыбились. Откуда-то издалека доносился сильный и торжественный глас Анны Ивановны, разносящий по округе положенные по такому поводу слова и поздравления, и словно не он, а другой Валентин Иванович думал: «В самом деле, мы – инкубаторские, ничего в жизни не понимаем, а тем более в смерти...»

Потом, кажется, Анна Иоановна стала представлять его персону. Говорила о том, что он окончил институт и аспирантуру, что он молодой учёный, и Стюрвищи ещё будут гордиться, когда он станет академиком. Валентин Иванович приехал вместе с женой, тоже учительницей, однако, Елена Дмитриевна отсутствует по весьма уважительной причине: вчера, первого сентября, у них родился мальчик. Как вы его назвали?

– Алёшей, – ответил он, разомкнув чужие, неподатливые губы.

– Поприветствуем Валентина Ивановича и поздравим его! – воскликнула Анна Иоановна и первая захлопала. – Де-

вушки, цветы молодому учителю и молодому папе!

Его окружили старшеклассницы, завалили цветами. Подошли и племянницы. Подождав, пока они не останутся втроём, сказали:

– О вчерашнем забудь, учитель. Не то... Дядя заставит замолчать. Навеки...

И тут Валентин Иванович словно пришёл в себя. Сознание стало ясным, и теперь не тот прежний, а другой, подлинный Валентин Иванович, закипел от негодования, но сдержался, процедил сквозь зубы:

– Как-нибудь обойдусь без советов разных поблядюжек...

– Ну-ну, – ответили они и опять заулыбались.

– Теперь мы знаем имя ученика, который через семь лет придёт к нам в первый класс. Его зовут Алёша! – продолжала Анна Иоановна. – Он будет стоять там, где сейчас стоят дорогие наши мальчики и девочки, которые сегодня впервые пришли в школу. Дай Бог, чтобы было так всегда, – голос у неё дрогнул, нервы опять не выдержали, и на глазах Анны Ивановны засверкали слёзы. – Теперь выпускники берут за руку наших самых младшеньких и ведут на первый урок в их жизни.

Зазвенел школьный звонок, заиграла музыка, все аплодировали. Растерянные детишки доверчиво совали ладошки дядям и тётям, которые, оказывается, тоже учились в школе. В том числе и племянницам, которые, повиливая бёдрами в тугих джинсах, повели девочек в местный храм знаний.

«Это не фантазмагория, это, Валентин Иванович, сегодняшняя жизнь», – мысленно сказал он сам себе.

VIII

Сентябрь выдался тёплым, тихим и солнечным. Здешние места всё больше нравились Валентину Ивановичу, и он теперь не испытывал особого затруднения, когда приходилось ему говорить «у нас, в Стюрвищах». После похорон он и Рита устроили генеральную уборку в доме: выбросили всякий хлам, скоблили, мыли, проветривали. Он подновил глиняным раствором печь, а сестрёнка где-то раздобыла известь и побелила её. На окна повесила новые занавески. Валентин Иванович сделал зыбку – вложил в неё всё своё умение, всю душу, повесил не на крюк несчастной Дуни, который он выкрутил, дырку *забил* и место застрогал, а на новый и в новом месте, рядом с их кроватью. Зыбка осветила дом тёплым медовым светом. Она, украшенная резьбой, розетками, изображающими лучистые солнышки, которым надлежало по замыслу мастера освещать и согревать жизнь Алёши, стала как бы центром их маленького мироздания.

– Голь на выдумки хитра, ох и хитра! – восхищалась Рита, довольная тем, что к появлению в жилище младенца они сделали всё необходимое и в лучшем виде.

Ночью Валентин Иванович проснулся от настойчивого стука в дверь. «Эй вы, сонные тетери, открывайте брату две-

ри!» – доносилось с крыльца. «Сергей?!» – мелькнула догадка, и точно – это был он. Ввалился в дом вместе с облаком запаха солярки, шумный, поскольку родной сестры и родного племянника тут ещё не было. Приехал на КамАЗе – напросился в такой рейс, чтобы можно было заехать в Стюровищи.

На шум внизу вышла Рита. Спускалась по лестнице в розовом халате, и Сергей при её появлении прямо-таки остолбенел.

– Ни за что бы ни поверил, что это Рита Чернова. Ты – Рита?

– Собственной персоной. С приездом, братишка.

– Послушай, да я же весной где-то в этих местах, кажется, видел тебя. Смотрю: какая-то мадам голосует. Мне показалось, что это ты была. Потом подумал: неужели Рита так расцвела?

– Остановился бы, – с вызовом сказала она.

– Пока до меня дошло, что это могла быть ты, пока вспомнил, что ты живёшь у тётки Аграфены, я уже был далеко. Шёл с прицепом – ни развернуться, ни сдать назад. До меня же, как до жирафа, на третий день всё доходит... В том числе и телеграммы. А наши молодцы – колониями живут, надо же... Когда за Леной и Алёшей едем?

Валентин Иванович взглянул на Аграфенины ходики – они показывали половину третьего.

– Сегодня.

– Тогда ложка к обеду.

– Чай, кофе, закуску? – Рита выбрала по отношению к Сергею почему-то ироничный тон.

– Какую закуску – утром за руль! За Алёшкой на КамАЗе надо ехать. Спасибо, ничего не надо, сестрёнка. Двое суток не спал. Телеграмму только позавчера увидел – из рейсов не вылезаю. Мне поспать бы... Валька, за мной!

Сергей подавал из кузова грузовика подарки и объяснял их происхождение: детскую коляску упакованную в бумагу – по наследству от двоюродных Иры и Алёши, она ещё ничего, сезон проходит; новую прогулочную коляску – от дяди Серёжи; баул с ползунками, распашонками, пелёнками, пинетками и погремушками – от тёти Светы, которая всё это накопила и сберегла для племянника. Ещё какие-то коробки, пакеты, наконец, огромный арбуз – это от какого-то джигита Ахмета, везде они нынче арбузами торгуют.

Когда всё это перенесли в дом, Сергей, передавая Рите тяжёлый пакет, распорядился:

– Здесь мясо. В холодильник.

– Братишка, извини: а что это такое – холодильник? – съязвила она.

– Эх! – гость хлопнул себя по лбу. – Какого я маху такого дал: стоит дома без дела «Морозко», мы давно большой себе купили. Как бы он тут пригодился: без холодильника, с маленьким ребёнком – нельзя. В следующий раз привезу или передам... А мясо в ведро да в погреб. Утром встану и на шашлык замариную. Погреб-то хоть есть?

– Есть, ваша честь, – продолжала дурачиться Рита.

Сергей с детдомовских времён сильно изменился. Возмужал, раздался в плечах, подбородок у него как бы ещё больше потяжелел и ещё сильнее раздвоился. Он производил впечатление вполне уверенного в себе человека, чувствовалось, что он в этой жизни освоился. Пока Валентин Иванович учился в институте, а потом в аспирантуре, Сергей отслужил в армии, в какой-то горячей точке его контузило – года два у него дёргалась голова. На грузовике он объездил всю страну, женился тоже на детдомовке, и получалось, что по жизни Сергей ушёл далеко вперёд по сравнению с Валентином Ивановичем, который к ней, этой жизни, выходило так, только готовился.

И ничего удивительного не было в том, что Сергея, когда они подкатили на КамАЗе, а не Валентина Ивановича принимали за папашу. «Будем сниматься?» – естественно, у Сергея спросил парень с видеокамерой. «Будем. Сколько?» – мгновенно среагировал тот. «У нас нет видеомэгнитофона и не предвидится», – скомплексовал Валентин Иванович. «У нас тоже с видаком напряженка. Зато есть две плёнки из роддома. Накопим побольше плёнок – придётся покупать видак!» – спокойно и легко рассудил Сергей. И сообщить Лене о смерти тётки вызвался тоже он, мол, я знаю, как ей сообщить, не волнуйся.

Сергей знал то, о чём Валентин Иванович даже не догадывался. Например, о том, что мальчику положена голубая лен-

та, которой в приданом Алёши, приготовленном Ритой, не оказалось. Пришлось папаше побегать по магазинам в райцентре. Не знал ничего Валентин Иванович и о «выкупе», которым следовало отблагодарить нянечку. Сергей и тут сразу сориентировался, разузнал местные «расценки» и сообщил: «Двадцать тысяч за мальчика, а за девочку – пятнадцать».

– А девочке какая лента положена? – поинтересовался Валентин Иванович.

– Молодец, Валька! Замётываешь на будущее? Розовая! – и чувствительно хлопнул лапищей по плечу.

Как ни готовился Валентин Иванович к торжественной встрече с сыном, сколько бы раз он ни проверял в кармане «выкуп», – не растерялся, не опозорился бы, но когда на крыльце показалась нянечка со свёртком («Голубая лента – мой!»), затем и Лена, стройная, похорошевшая, только с усталыми глазами, он всё равно стушевался. К тому же, нянечка Сергею, а не ему сказала:

– Папаша, принимай сыночка!

– Нет, я не могу быть самозванцем, вот отец, – Сергей решительно толкнул его вперёд.

Валентин Иванович уж и не помнил, сунул он вначале нянечке «выкуп», а потом взял Алёшу на руки или это всё произошло в обратном порядке. В руках ведь были ещё и цветы для Лены, он её поцеловал, она ответила тоже поцелуем, а потом повисла на шее у брата.

Он отошёл от них, с величайшей осторожностью и бережностью отогнул уголок одеяльца – какой же он, мой Алёша? Тот спал, едва слышно посапывая, и пошевеливал крохотными губёшками. Лицо у него было маленькое, с кулачок, и розовое.

– Какой он маленький, – разочарованно произнёс Валентин Иванович.

– А ты хотел, чтоб он сразу тебя матом послал? – засмеялся Сергей и, вспомнив, что их снимают, сказал парню с камерой:

– Ты это того, вырежь...

– Почему – маленький? – с обидой спросила Лена. – Три пятьсот, пятьдесят три сантиметра.

– Да что он понимает в этом, Лена?! Парень – богатырь. У моего Алёшки три триста было, а сейчас такой бутуз!

– Откуда мне знать, какими они рождаются, – оправдывался Валентин Иванович. – Я вообще впервые в жизни держу младенца на руках. Да ещё своего...

– Тогда давай его сюда, – потребовала Лена. – Я, между прочим, на него тоже ещё не посмотрелась.

– Тут что папаша, что мамаша – сливай воду, – развёл руками Сергей и опять обратился к парню: – Снимай, снимай, потом они обхохочутся. Обязательно сними, как они грузиться на КамАЗ будут. Плёнку мне!

О смерти тётки Сергей сообщил сестре неожиданно и решительно в тот момент, когда Лена что называется, расчув-

ствовалась и сияла вся от счастья. Ещё бы – и брат, и муж рядом, и маленький на руках, все здоровы, все друг другу рады.

– Приедем домой, а моей любимой тётки там нету, – рассуждал за рулём Сергей. – Вовремя старушка отдала Богу душу. Лена, не переживай, её похоронили несколько дней назад, всё честь честью. Радоваться тут нечему, большой грех, но и убиваться нет смысла. Старый, больной человек, нам бы до таких годов дожить. Что случилось, то случилось...

– Лена, ты не представляешь, сколько Сергей привёз всего: две коляски, детскую ванночку, мешок распашонок и пелёнок, – сообщил вдруг Валентин Иванович, поглядывая опасливо на жену, боясь, как бы слова Сергея не стали для неё потрясением.

Но она вела себя спокойно, уловку мужа разгадала – иронично усмехнулась в ответ, потом крепко сжала губы, позволила двум слезинкам скатиться по щекам.

– Не старайтесь, ребята, – произнесла она ровным, грустным голосом. – Я узнала об этом на второй день после рождения Алёши. Медсестра сказала. У неё родственники в Стюрвицах. Что же касается тебя, – она повернулась к мужу, взяла его для убедительности за руку, – то твою заботу я оценила. Только прошу впредь: не надо меня таким образом жалеть. Не скрывай ничего, как бы потом мне тяжело ни пришлось...

– Леночка, извини, мы все боялись за тебя, вдруг от стрес-

са молоко пропадёт!

– Не пропало. Не надо больше, – она крепко сжала его руку. – Но ждала, когда ты скажешь. Ты молчал, и я молчала. Тоже мне, конспиратор...

– Да, братишка, тут мы дали маху, – замотал головой Сергей. – Самый могучий радиус действия у радиостанции ОБС – «одна баба сказала». Дружно снимаем шляпы, Валька!

– Я же сказала: хватит об этом.

Но окончательную точку в этом разговоре поставил Алёша. Он пискнул, завозился, потом заплакал, Прижимая ребёнка к груди, Лена приговаривала:

– Потерпи, мой маленький. Мы сейчас приедем. Потерпи, Алёшенька, чуть-чуть осталось. Мама тебя покормит, скоро покормит.

И он, казалось, прислушивался временами к её словам, прекращал плакать.

IX

В октябре теплынь продолжалась, хотя по ночам уже подмораживало, трава покрывалась инеем. Валентин Иванович разрывался между школой и уборкой урожая на полях – там он зарабатывал на зиму картошку, капусту, свёклу, морковь. В школе его приняли неплохо, хотя с завучем Лилией Семёновой в первые же дни произошёл небольшой конфликт. Она так разбросала его уроки по расписанию, что он был за-

нят в школе все шесть дней в неделю, как правило, с перерывами на два или три часа между уроками.

– Лилия Семёновна, я прошу вас изменить расписание моих уроков, как-то сгруппировать их, – сказал он.

Завуч – маленькая и низенькая злючка, видимо, только и ждала этого разговора. На носу у неё возникла даже сборочка морщинок – точь-в-точь как у собачонки в начале рычания.

– Валентин Иванович, вы ещё не директор школы, чтобы давать мне указания! – неожиданно выпалила она.

– О чём это вы, не понял?

– Вы знаете прекрасно, о чём. Вы молодой педагог, я полагаю, что вам надо время для подготовки к каждому уроку.

– Я прошу вас под видом заботы не устанавливать для меня такие огромные окна. К тому же, когда и как готовиться к занятиям – это сугубо мои проблемы, а не ваши. Контролируйте качество подготовки – пожалуйста. Но мои несчастные часы вы размазали по всем дням недели с максимальными разрывами.

Он и сам не подозревал, что способен на такой отпор, не говоря уж о Лилии Семёновне, на которую это произвело довольно сильное впечатление. Затаилась она или решила наладить добрые отношения с ним, он не знал. Во всяком случае она сгруппировала его уроки, теперь у него по пятницам и субботам вообще никаких занятий в школе не было, то есть для приработка вышло три дня подряд.

В начале октября произошли отрадные события. Почти неожиданно он получил первую зарплату, между прочим, и за август тоже, – добрая душа Анна Иоановна простила ему отсутствие в школе и продолжала его опекать. А Рита, получив деньги за полгода, укатила в очередной раз к Гарику и вернулась, спустя несколько дней, с маленьким, но всё же цветным телевизором.

– В комиссионке охабачила, – объяснила она. – Это тебе, Лена, окошко в наш бездушный, жестокий и лживый мир. Иначе ты без радио и телевидения совсем очеловечишься, а ты должна поддерживать себя в зверской форме. А надо знать, как и что они врут.

Конечно, Лена была на седьмом небе от счастья. У них был лишь транзисторный приёмник, но она его уронила, после чего он, несмотря на старания Валентина Ивановича, молчал, как пленный партизан в плену у фашистов. И ещё была удача: Сергей сдержал слово, и какой-то дядька доставил им холодильник «Морозко» с очередной порцией подарков для Алёши.

После этих событий везенье оставило их и, как казалось Валентину Ивановичу, навсегда. Жизнь стала наносить удары за ударами, он пытался выдержать их, сделать всё, чтобы как можно меньше они сказывались на Лене и Алёше. Но силы были слишком неравными.

Что-то ужасное творилось с Ритой. Когда ещё стояла теплынь, она уехала в очередной раз к Гарику и не вернулась.

Повезла в «рога и копыта» очередную партию «семейных» трусов, которые Лена едва выкраивала время строчить. Поэтому она попросила Риту взять работу на более продолжительный срок или, если не получится, пока отказаться от неё: Алёша оказался очень болезненным и беспокойным ребёнком, не давал ей покоя ни днём, ни ночью.

Накануне исчезновения сестрёнки Валентин Иванович стал свидетелем жутковатой сцены. Рита появилась очень поздно вечером, вся растерзанная, то ли пьяная до потери сознания, то ли просто безумная. Косметика была размазана по мокрому, заплаканному лицу, волосы распущены и всклокочены, дамская сумочка буквально волоклась по полу на длинном ремне. Рита медленно поднималась по лестнице, запрокидывала голову назад, которая у неё, как у цыплёнка, падала вперёд, упиралась подбородком в грудную клетку, а она её вновь запрокидывала и вполголоса, с какой-то не человеческой, а волчьей тоской звала:

– Ау, Мисюсь, где ты?! Ау, Мисюсь, где ты?!

Лена как раз кормила грудью Алёшу, а Валентина Ивановича сестрёнка поразила настолько, что он буквально остолбенел и, вместо того, чтобы помочь ей подняться, смотрел, наверное, с разинутым ртом, как она, словно привидение, шествует по лестнице. Как он потом жалел об этом! Надо было подойти, попытаться узнать, что с нею случилось, но подобная мысль даже не пришла ему в голову.

Покормив и уложив Алёшу в зыбку, Лена поднялась в

мансарду, которую они почему-то дружно называли мезонином. И даже подшучивали, что Рита – девушка из «Дома с мезонином». Видимо, поэтому она и вспомнила концовку чеховского рассказа, но в каком контексте! Что-то произошло, но что именно, не удалось узнать и Лене, – она вскоре вернулась вниз и высказал предположение:

– Наверное, перебрала подруга. Не желает разговаривать... Утром Рита, осунувшаяся и угасшая, тоже молчала, не отвечая даже на прямые вопросы. Тогда Валентин Иванович использовал проверенный на деле детдомовский приём: стал как бы рассуждать вслух о ней в третьем лице. «Может, ей не ездить сегодня в райцентр? Или мне с ней поехать?» – советовался он с женой. И тут Рита откликнулась, отказалась от помощи, сказав, что она сама справится и, захватив сумкой с готовой работой, торопливо покинула дом.

Когда Рита пропустила первый рабочий день, это вызвало лишь неудовольствие Лилии Семёновны. После второго пропущенного рабочего дня Валентина Ивановича пригласила к себе Анна Ивановна. И опять он предстал перед директрисой в качестве недоумка: поехала к Гарику, а кто это такой, кто его видел или знает, где он живёт – здесь он ничего не смог прояснить. Не смог даже ничего ответить на вопрос о том, что, возможно, его жена, Елена Дмитриевна, что-нибудь о нём знает.

– Был ли Гарик, – неожиданно мрачно подвела итог бессмысленному разговору Анна Иоановна.

Дома Валентин Иванович принялся за расспросы Лены – оказалось, что и она знала не больше, чем он. Невозможно было представить: ближайшая подруга ей никогда и ничего не говорила о своём Гарике.

– Ты ничего не скрываешь, Лена?

– Нет, ничего.

– А если хорошо подумать? – спросил он, почувствовав неуверенность Лены в своём ответе.

– Сколько ещё можно думать? – вспылила Лена. – Я и так день и ночь о ней думаю! – и зарыдала.

Спустя неделю после исчезновения Лены из Стюрвиц Анна Иоановна попросила Валентина Ивановича найти чёткую её фотографию и ехать в райотдел милиции. В райцентре он разыскал «рога и копыта», там подтвердили, что на прошлой неделе Рита была у них, сдала работу, получила деньги, но новый заказ не взяла. Более того, оставила сумку, пообещав потом за ней зайти. Приёмщица не собачилась, как это обычно бывает, а уделила ему внимание и принесла синюю сумку с красными ручками. Валентин Иванович заглянул внутрь – там лежали шестьдесят тысяч, ровно столько, сколько должны были заплатить Лене. Валентин Иванович предъявил свой паспорт, написал приёмщице расписку и пошёл с сумкой и деньгами в милицию.

В райотделе капитан с тяжёлым, квадратным подбородком, который, как показалось Валентину Ивановичу, он где-то раньше видел, не выслушав его и до половины, дал лист

бумаги, не попросил, а потребовал изложить всё на бумаге, при этом оставив место сверху. Посмотрим, мол, что это будет по форме – заявление или объяснение. Потом долго изучал написанное, шевеля губами, поднял глаза на автора и стал смотреть на него в упор. Валентину Ивановичу было здесь неприятно с первой минуты, а под тяжёлым взглядом стало совсем невмоготу.

– А почему у тебя глаза бегают? – спросил капитан.

– Потому что я не люблю, когда на меня так бесцеремонно пялятся.

– Ах, да, подавай вам церемонии. Так вот мы с тобой церемониться не будем, потому не будем, что ты написал абсолютное фуфло.

– Что это такое – фуфло? И почему вы мне тыкаете?

– А липа – ты знаешь, что это такое?

– Не вижу в этом знании никакого смысла.

– А я вижу. Не слепой. Знаешь, сколько через мои руки прошло таких, как ты?

– Представляю, – с иронией сказал Валентин Иванович. – План по раскрытию преступлений вы выполняете, наверно, процентов на триста. А что касается меня, то я прыгаю от радости, что встретился с таким опытным товарищем или господином. Всё, что относится к делу, я написал, остальное, как полагаю, ваша работа.

– Прошла целая неделя. Почему раньше не пришёл? Обдумывал?

– Что?

– Вот этого я пока не знаю.

– Не пришёл раньше, потому что мы надеялись: вернётся. Я в школе работаю, а сегодня директор школы освободила меня от уроков и направила к вам.

– Директор школы, значит, – впервые за время разговора задумался капитан, и тут Валентин Иванович вспомнил, где его видел: среди гостей «кабана».

– Может, она попросту загуляла? Уехала к родственникам?

– Начет «загуляла» – не знаю, не уверен. Родственников у неё нет, она детдомовская.

– Не уверен – не обгоняй. У нас в районе нет ни одного Гарика, ни по имени, ни по кличке. Так что ты тут за неё не расписывайся и не распинайся.

– Меня настораживает то, что она в сумке оставила деньги. Значит, были какие-то обстоятельства, которые заставили её оставить деньги. Это же всего две бумажки, их можно было взять с собой. Но нет, она их оставила. Почему?

– Настораживает, – передразнил его капитан. – Ты её совсем не знаешь. Так что не распинайся насчёт неё...

– Объясните тогда мне, в чём дело.

– Что тут объяснять... Плечовка она! Подорожница...

– А это, простите, что такое?

– Вот именно – простите. Только прости-господи. Проститутка на автомагистралях, обслуживает дальнобойщиков.

– Да как вы смеете?! – Валентин Иванович от возмущения даже вскочил на ноги, готовый вlepить обидчику пощёчину. И, если бы это происходило не в помещении милиции, то так оно и случилось бы.

– Смею. В том то и дело, что смею. Первое задержание было семнадцатого мая. Вот протокол, – он поднял над столом несколько листков бумаги. – Второе случилось двадцать шестого августа. Если в первый раз ограничились предупреждением, то второй раз решили сообщить на работу. Тоже мне ещё – учительница... Чему она может научить, а?!

– Мало ли что можно написать в протоколе, – не сдавался всё равно Валентин Иванович. – Вы сейчас можете написать протокол о том, что я убил её, а потом моей жене покажете бумажку...

– Мне что – делать нечего? – выzверился капитан. – Но в данном случае к протоколу приложены объяснения трёх дальнoбойщиков, которые её коллективно трахали. По двадцать пять тысяч с носа, вернее, с...

– Всё равно – не верю... Чтобы Рита... Не верю... – упрямо мотал головой Валентин Иванович.

– Ещё раз повторяю: не расписывайся за неё! Бери свою сумку, бери свои деньги и отправляйся домой. Если разыщем, то сообщим. Может, сама ещё найдётся. Только вряд ли...

Х

С утра моросил занудный холодный дождь. Автобус в Стюрвищи ходил редко, обычно туда добирались попутками – выходили на шоссе возле моста, а там напрямик по лесной дороге с километр, и – дома. Валентин Иванович ещё по дороге в райцентр весь промок и продрог, а когда вышел из милиции – его всего затрясло, тело охватила неуёмная дрожь. Поэтому он решил возвращаться автобусом, на автобусной станции можно было хоть укрыться от дождя. Но ему повезло – автобус как раз отправлялся, и Валентин Иванович, забившись на заднем сиденье в угол, думал о том, как ему после всего услышанного повести себя с Леной, как объясняться с Анной Иоановной. Лена кормит грудью, не надо бы ей знать всё это, Алёша и так всё плачет и плачет – при мысли о сыне боль в душе стала нестерпимо жгучей...

Она просила не скрывать от неё ничего, но как сказать ей всё это, как? Какой смысл этому капитану наговаривать на Риту? У него два протокола, объяснения дальнобойщиков. Учительница-проститутка, плечовка, подорожница... Если до Алексея Алексеевича дойдёт – не перенесёт такого позора... А племянницы «кабана» – ученицы-проститутки... Вообще-то в педуниверситете поговаривали, что студентки подрабатывают на панели, однако подозревать в этом Риту? Парни всегда к ней липли, но она была к ним равнодушна.

Сколько раз он знакомил с нею своих приятелей, приличных ребят, они не производили на неё никакого впечатления. Нет, не принц, отвечала она Виктору Ивановичу, когда он, бывало, интересовался её мнением. А вдруг она была лесбиянкой, и тогда Лена – кто? Просто подруга или... Валентин Иванович закрыл ладонью рот – чтобы не закричать на весь автобус: нет, нет, нет!

Добравшись до Стюрвиц, он пошёл не домой, а в школу. Он был почти уверен теперь в том, что в растерзанном виде Рита появилась домой после разговора с Анной Иоановной. Той сообщили, ну она и разошлась... Рита после разговора решила отсюда уехать, – иного объяснения исчезновения сестрѐнки у него не было.

Анна Иоановна в одиночестве пила чай. Он наотрез отказался от угощения, не до чая ему, однако она настояла на своём.

– Вы опять обуглились, – вздохнула она. – Хотите несколько капель коньяку в чай? Очень рекомендую. У меня пониженное давление. Как поплывёт всё перед глазами, всё окутывают сумерки, – добавляю в чай коньяк. Помогает. Только не подумайте, что я пьяница. Мне бутылки на несколько месяцев хватает. А вам сейчас это просто необходимо. Несколько капель?

Валентин Иванович молча кивнул, – сопротивляться Анне Ивановне было бесполезно, да и, по правде говоря, он не возражал бы сейчас выпить и побольше, чем несколько ка-

пель. Она достала из шкафа бутылку, плеснула в чай глоток-полтора.

– Как теперь? – поинтересовалась.

– Ароматный, совсем другой...

– Вот видите, – она была довольна тем, что Валентину Ивановичу понравилось, а потом, тяжело вздохнув, спросила: – Вам всё в милиции рассказали?

Он молча кивнул.

– Валентин Иванович, дорогой, когда мне сообщил наш участковый о том, чем занимается Рита Даниловна, я тоже не поверила. Это было второго сентября, тогда мы с вами занимались печальными хлопотами. Как раз перед торжественной линейкой! Господи, как у меня тогда инфаркт не приключился! После занятий я попросила Риту Даниловну зайти ко мне. Трудный разговор был. В прошлом году у меня с нею разговор был несколько по другому поводу. Извините, что я посвящаю вас в бабьи заботы, но вам это пригодится в будущем. Так вот, стали все поговаривать, что Рита Даниловна спуталась с Петькой-афганцем – есть у нас такой местный проходимец, просто бандюга, сидел два раза, а всем говорит, что воевал в Афганистане. У него две дочери – Зоя и Зина Кирьяновы – близняшки из десятого класса. Тоже ведь стервы, таскаются с дачниками, «новыми русскими». И мать там такая же, склочница, скандалистка, сквозняк в подоле... Короче говоря, семейка та ещё. «Рита Даниловна, – говорю, – я не хочу, чтобы нашу учительницу прямо в школе

таскали за волосы». Она ответила, что сама не знает, как от него отделаться. Ничего у неё с Петькой-афганцем не было, она и повода никакого не давала, просто он выдаёт желаемое за действительное, распространяет слухи.

А вот второго сентября разговор был тяжёлый. Хотела поговорить с нею как мать, спросила её: «Дочка, неужели это правда? Расскажи мне всё, как рассказала бы своей матери.» После этих слов она взбеленилась, я боялась, что она вообще выцарапает мне глаза. Я налила ей воды, – у неё зубы так стучали по стакану, что вспомнить страшно. Потом немного успокоилась, открыла душу. Никому и никогда не рассказывайте, Валентин Иванович, даже жене, то, что сейчас услышите! Заклинаю вас!

Анна Иоановна пригубила чай. Она и представить не могла, что для Риты Даниловны, оказалось, самым ненавистным словом было *мать*. Ей и семи лет не исполнилось, когда родительница, алкоголичка, охотница за удовольствиями, уложила её в постель к своему хахалю. Потом – другим мужикам, которые за это приносили ей выпивку. Так продолжалось больше года, пока эта стерва не повесилась. «Как же мне тогда было больно!» – воскликнула Рита Даниловна и заплакала навзрыд.

Анна Иоановна, рассказывая об исповеди Риты, всхлипнула, извинилась за свою слабость и предложила Валентину Ивановичу выпить просто по рюмке коньяку, без всякого чая. Он опять молча кивнул.

– Извините, Валентин Иванович, пожалуйста, меня ещё раз за то, что я так откровенно передаю бабьи разговоры. Я очень рассчитываю, что в будущем году вы замените меня. Поэтому и рассказываю всё вам без утайки, чтобы вы знали всё, как оно есть. Вам придётся работать с женским коллективом, а это, поверьте, ой как нелегко.

Так вот, когда Рита Даниловна немного успокоилась, она сказала, что всю жизнь боялась и ненавидела мужчин. В детстве она, правда, полюбила, как дочь отца, вашего директора. Его нельзя было не полюбить, сказала она. Вы для неё – братишка, у вас все сестрёнки да братишки...

«Рита, теперь ты мстишь мужикам?» – спросила я.

«Нет, – ответила она. – Тогда бы я часто вспоминала детство, а мне и сейчас думать о нём жутко. Просто мне ходить было не в чем, сапоги в мастерской даже в починку не взяли – такие они старые и гнилые. Продала швейную машинку, купила новые. Зарплаты нет, как жить? Пыталась подрабатывать репетиторством – не получилось... Однажды я несколько дней ничего не ела, разве что чаю гайдаровского стакан в школе на большой перемене. Вот тогда я и вышла на большую дорогу, надеясь, что, может, кто-нибудь хоть покормит...»

«Почему вы не обратились ко мне? Оказали бы какую-нибудь помощь», – сказала я.

«А вы что, думали, что я должна святым духом питаться и одеваться? Почему же вы не спросили, как я живу?» – она

опять взбеленилась.

Дальше разговор не получился. Но при этом я ей твердо сказала: Рита Даниловна, этот метод подработки несовместим со званием педагога. Вы работаете в деревне, здесь утаить ничего нельзя. Она сказала, что найдёт себе работу в другом месте. На том и договорились... А теперь я вот какую уж ночь подряд не сплю и молю Бога, чтобы с нею ничего не случилось...

Анна Иоановна со слезами на глазах истово осенила себя широким крестом, зашептала слова молитвы...

XI

О судьбе Риты ещё ничего не было известно, как у них объявилась новая напасть. Тётка Аграфена, как выяснилось, много лет не платила за электричество, задолжала без малого миллион рублей. Пока она была жива, никто не посмел отключить свет у старой партизанки, боялись скандала. В феврале, видимо, Рита заплатила за несколько сот киловатт-часов, но надо было заплатить более, чем за восемь тысяч. Комиссия, которая проверяла показания электросчётчиков и правильность уплаты за свет, предупредила Лену: если в течение недели они не погасят задолженность, то их отключат от сети.

Валентину Ивановичу пришлось ехать в райцентр, но там и слышать не захотели о том, что они живут в Стюрвищах

всего два месяца, что у них нет таких денег, что они погасят задолженность, но постепенно. Не смогла помочь разобраться с электриками и Анна Иоановна: школа тоже была по уши в долгах у райэнерго, директриса попросту побаивалась звонить туда, напоминать о себе лишний раз. Единственное, что она смогла, так это выписать ему опять триста тысяч рублей в качестве аванса, да и то при условии, чтобы ни одна живая душа об этом не пронюхала. Он тут же отнёс их в сберкассу, то есть в отделение Сбербанка по-нынешнему, оставалось ещё около семисот тысяч. Но где их раздобыть? Знакомых, которые одолжили бы такую сумму да ещё на неопределённый срок, у них не было. Подработок на дачах в связи с окончанием сезона совсем не стало. И тогда он предложил Лене продать телевизор.

– Он не наш, – ответила она.

– Разве Рита тебе его не подарила?

Лена только пожала плечами в ответ, в самом деле, Рита не сказала тогда ничего определённого, во всяком случае, считать его подарком было трудно. К тому же Лене не хотелось расставаться с ним.

– Тогда придётся продать твою швейную машинку, какой в ней толк, если отключат электричество?

– Нет, машинку я не продам. Умирать с голоду буду, но не продам. Помнишь, как Рита об этом говорила? То-то же...

Валентин Иванович помнил. Теперь он понимал, что Рита, продав машинку, в конце концов вышла на дорогу...

– Может, в областном городе есть ломбард, там можно заложить вещи, а потом выкупить их?

– Валя, да какие у нас вещи? Машинка да телевизор. Да и принимают ли их там... Дорога дороже обойдётся. Что хочешь делай, но машинку я не позволю даже за порог вынести. Я напишу Сергею.

– Мало он нам помогал?

– Он мой родной брат, тебя это почти не касается.

– Как это – не касается? Ты моя жена.

– Это для меня не новость. Речь идёт о том, чтобы где-то взять займы. Почему я не могу обратиться к Сергею? Не отдадим? Всё равно отдадим.

Непреклонность, с которой Лена отстаивала свою швейную машинку, наводила на мысль, что она многое знала о делах Риты. Если раньше он с большой вероятностью допускал это, то теперь на этот счёт оставалось очень мало сомнений. Не настолько же Рита была скрытной, не настолько себе на уме, чтобы в какой-то момент не открылась ближайшей и единственной подруге. После этого отошли на второй план и угрызения совести о том, что он ничего не рассказал Лене о посещении районной милиции, о разговоре с Анной Иоановной, а со второго плана они легко соскользнули куда-то вглубь его сознания.

Лена написала письмо брату и, не показав его, как обычно, Валентину Ивановичу, чтобы тот приписал один-два абзаца от себя, отправила. Конечно, она не обязана была пока-

зывать его, но всё-таки неприятный, какой-то чужой осадок на душу опустился. Не всё, видимо, могло быть приятно ему читать в её письме, если она даже не пересказала содержание в двух словах. Прежние сомнения развеялись, но их место заняли другие, ещё более болезненные. Теперь, как заноза, не давала покоя мысль: неужели он совершенно не знает Лену? Риту не знал, – вот тут уж нет никаких сомнений. «Только не это, только не это, – убеждал он сам себя, повторяя эту мысль, как заклинание, с утра до вечера. – Нельзя же быть таким подозрительным. Лена другая, она меня любит, и я её люблю, и Алёшу мы очень любим. Нам просто отчаянно трудно, однако, всё это временно. Недаром же говорят: время лечит. Только не надо ничего преувеличивать, не преувеличивать, – без этого тошно!»

Дошло письмо до Сергея или нет, но в середине ноября, по первому, что называется, снежку, возле их дома появился мужик неопрятного и даже окаянного вида. Лицо у него было не то что злое, а прямо-таки свирепое, с запойным фиолетовым оттенком. На животе висел широкий монтажный пояс с позвякивающей цепью, на плече – железные когти. Не заходя в дом, он бросил когти на землю, пристегнул их к ногам, накинул цепь на столб и стал по нему подниматься. Валентин Иванович выскочил к нему, в чём был, закричал, что они уже заплатили треть, в самые ближайшие дни – всё остальное. Но мужик, насыщая окружающую атмосферу густым запахом только что выпитой водки, не обратил на него

никакого внимания. Тогда Валентин Иванович схватил его за ногу мужик дернул её, но не тут-то было.

– Отпусти, падла, не то – решу!

– Не отпущу! Вы не имеете права это делать.

– Ты это делаешь в отместку Рите, да?! – кричала с крыльца Лена, простоволосая, выскочившая в одном халате. – Если назло, то она теперь здесь не живёт!

Валентин Иванович догадался: это был знаменитый Петька-афганец.

– Какая ещё Рита? – спросил он и выругался.

– Сам знаешь, какая! – не сдавалась и Лена.

Валентин Иванович в какой-то момент потерял бдительность, обескураженный самим фактом перепалки жены с этим чудовищем, и выпустил ногу. Теперь Петька-афганец беспрепятственно поднимался вверх.

– Накинь на себя что-нибудь, – с досадой крикнул он жене. – Простудишься! И мне куртку принеси...

Лена опомнилась, бросилась в дом, тут же появилась в пальто и, застегиваясь, продолжала кричать на Петьку-афганца. Откуда-то появился участковый и, поддерживая фуражку за козырёк, чтобы та не свалилась, спросил электрика:

– А ты зачем туда залез, Петр Игнатьич, а?

– Велено – вот и залез.

Появление участкового и его вопрос вдохновили Лену, и она всё прокричала снова.

– Петр Игнатьич, ты же слышал: в доме маленький ребё-

нок, а ты такое трудовое рвение нам демонстрируешь... Люди заплачат, начали уже платить, причём чужие долги!

– Подводные лодки вырубают, и то хоть бы хны. А тут, подумаешь, – ребёнок... Мы вообще без света выросли!

– Оно и заметно, Петр Игнатьич! А я всё думал, ну почему ты у нас такой?

– Какой это такой, гражданин начальник?

– Хвалю, на правильное обращение перешёл. Давай-ка спускайся вниз, тут я тебе на вопрос и отвечу. Насчёт Маргариты Даниловны Чёрной по душам побеседуем. Есть одна у меня мыслишка, обсудить её надо.

– Никакой Маргариты Даниловны да ещё Чёрной я не знаю!

– Как же так – не знаю? – возмутилась Лена. – А кто ухлёстывал за ней?

Тут Петька решительно дважды щёлкнул кусачками и провода, извиваясь в кольца ещё в воздухе, безжизненно застыли на земле.

– Подонок! – вскрикнула Лена и тут же подавилась слезами, ушла в дом.

– Сделал своё нехорошее дело? – строго спросил милиционер. – Вот и посиди теперь там, гражданин Кирьянов. Можешь до середины столба опуститься и замри там.

– Не имеешь права, гражданин начальник! Прокурору буду жаловаться за измывательство! В суд подам! Вот они – свидетели!

– Так они и побегут наперегонки тебя выгораживать! Как же – такого благодетеля! И запомни, я тебя не заставлял на столб взбираться, ты сам залез. Так что будь, пожалуйста, на высоте. Не хочу я тебя пристёгивать наручниками к столбу, мне с гражданином вот переговорить надо...

– За что?!

– Знаешь, за что. И замри там, иначе шаг вниз, как и в сторону, считается побегом.

Участковый, в годах уже, с мятым, морщинистым лицом, вроде бы понравился Валентину Ивановичу, тем более что пытался усюветить Петьку-афганца. Но от того, что он услышал от участкового, у него потемнело в глазах:

– Нашли Маргариту Даниловну, вернее, её тело, в другой области. Её убили. Но об этом я вас прошу не говорить никому ни слова. Никому! Идёт следствие. Анна Ивановна поставлена в известность, она посоветовала ввести в курс дела и вас. Тело в очень плохом состоянии, и его кремировали. Дело ещё в том, что она была больна СПИДом. Скольких она наградила этим удовольствием – разбираться и разбираться. Да не бледней, держи себя в руках, ты же мужик, СПИД пока не передаётся бытовым путём!.. А там – кто его знает, – участковый закурил, взглянул на Петьку-афганца, тихо застывшего на столбе – пытался расслышать, о чём шёл их разговор, и продолжил: – Постарайтесь по-тихому от жены сжечь её личные вещи, бельё, сами знаете, выбросьте бритвы, пилки, щипцы... Поскольку ваша семья больше всех кон-

тактировала с больной, то завтра под видом детской лаборатории приедут наши медики и возьмут на анализ кровь у жены и ребёнка. Ну, а вы уж сами сдайте.

– И у двухмесячного ребёнка? – ужаснулся Валентин Иванович.

– Бережёного Бог бережёт. Ничего не попишешь, папаша. Вообще-то, и это опять сугубо между нами, её убил тот, кого она заразила. Одиннадцатого октября, а это была пятница, она посетила областной центр анонимного обследования и тест на ВИЧ-инфекцию был однозначно положительным. Работница центра опознала её по фотографии. Кто это сделал, мы, конечно, найдём. А начнём с этого, что на столбе. И алиби тут – лишь отрицательный результат теста на ВИЧ-инфекцию.

– А если у меня СПИД, то, значит, я её убил? Или у ребёнка, которому десять недель от роду, так, значит, это он убил? – с возмущением спросил Валентин Иванович.

– Мне говорили, что вы умнее. Мы не из подозрений делаем вам анализы, а вам же на пользу.

– Какую ещё пользу?!

– Да хотя бы ради вашего спокойствия. Кровь у покойной Аграфены Павловны тоже исследовали, она год с нею прожила вместе, но никакого СПИДа...

ХII

Настала жизнь беспросветная не только в прямом, но и переносном смысле. Когда он вернулся после разговора с милиционером в дом, там было уже сумрачно. Лена что называется, рвала и метала, искала свечи, но их нигде не было, спрашивала его через каждую минуту, не видел ли он где-нибудь керосиновую лампу, – должна же она быть в сельском доме, ведь здесь нередко выключают свет. Но лампы нигде не было.

– Ну что ты стоишь? – набросилась она на него. – Сделай же что-нибудь. Как я к ребёнку ночью вставать буду? Как ему греть еду, как?! Сделай же что-нибудь – уже темнеет.

– Давно уже всё потемнело, – философски откликнулся он.

– О чём ты так долго с участковым говорил?

– О грибах, рыбалке... – съязвил он. – Конечно, о Рите. О чём же ещё, – и упреждая вопрос о деталях разговора, уточнил: – Опять: когда ушла, кто такой Гарик...

– А почему он меня не расспрашивал?

– В свете такого яркого примера женской логики в ответах я слаб и беспомощен.

– Но ты же ни черта не знаешь, а если и знал, то перезабыл!

– А кто тебе мешал выйти и исполнить свой гражданский,

так сказать, долг? В конце концов, долг ближайшей подружки? – ему было всё труднее придерживаться ироничного тона, наваливалось и требовало выхода раздражение.

– Как будто ты не знаешь, кто!

– Не грехи на младенца! – прикрикнул он, а потом подошёл к жене, посмотрел ей в быстрые, беспощадные глаза, положил руку на плечо и тихо сказал: – Лена, я прошу тебя: не будем ругаться. И так тошно. Дай денег, я схожу в магазин и куплю лампу, или свечи, или фонарик.

– А жить на что будем? У нас всего семьдесят тысяч. Может, сходишь к тёте Мане, попросишь лампу?

– Сходи сама, я прошу тебя.

– Я не гордая, схожу, – ответила она с вызовом и сорвала пальто с вешалки.

Валентин Иванович разжёт печь. Пламя заплясало в чёрном бархатном её зеве, освещая бликами и жильё. Огонь всегда завораживал, приносил умиротворение в душу, однако теперь было иначе – он был сам по себе, а Валентин Иванович – тоже сам по себе, зажатый со всех сторон проблемами и обстоятельствами, погружённый в невесёлые раздумья, тяжкие, вязкие, засасывающие, как в трясины.

В зыбке завозился и заплакал Алёша. Валентин Иванович заменил мокрые пелёнки, взял сына на руки и сел с ним к огню. Глазёнки у Алёши заблестели, огонь ему нравился – мальчишка! И завораживал настолько, что он временами переставал работать соской, а потом, словно спохватившись,

принимался за неё снова. Валентина Ивановича пронзили, как током, нежность и жалость, любовь к сыну, – душа ещё была способна отзываться большими чувствами, порождать тепло, согревающее и украшающее довольно безрадостное существование.

«Лампада!» – вдруг вспомнил он и, уложив сына в зыбку, подошёл к божнице. Фитиль вначале затрещал, словно был недоволен тем, что его побеспокоили, закоптил, а потом разгорелся, пламя выровнялось, осветило в окружении бронзовой фольги потемневший лик Богоматери с Младенцем. «Мать Божья, – непроизвольно зашептали его губы, – спаси нас, умоляю тебя. Спаси и помилуй, огради нас от несчастий и испытаний. Научи, как выжить в проклятой этой жизни, помоги!» Он опустился на колени, крестился и бил поклоны, истово и умело, словно молился так каждый день, а не первый раз в жизни. И хотя в глубине сознания не давала покоя мысль о том, что Анна Иоановна молилась за Риту и это не помогло, но всё же в душе Валентина Ивановича затеплилась надежда на что-то хорошее.

ХІІІ

Помогла ли ему Богоматерь, или ему всё-таки улыбнулась судьба, однако ВИЧ-инфекции у них не обнаружили. Поскольку кровь чистая, на радостях подумал Валентин Иванович, то её можно сдавать за деньги! Сказано – сделано. В рай-

онном донорском пункте, где ждали очереди на сдачу крови несколько учительниц да две библиотечарши, он узнал, что в Москве платят гораздо дороже. К тому же, поскольку кровь можно сдавать только раз в месяц, то в столицу стоило ездить ради второго раза – так они и делали, хотя дороговизна проезда сводила на нет московскую щедрость.

После сдачи крови Валентин Иванович выяснил, куда в районе следует обращаться, чтобы подключили свет. Нужной дамы на месте не оказалось, и он, присев на стул в коридоре, пытался бороться со слабостью, но всё же уснул. Когда его растолкали и он предстал перед должностной дамой, то так путано и сбивчиво объяснил суть дела, что та спросила раздражённо:

– Вы пьяны, что ли? Или и того хлеще?

– Не-е-ет, – замотал головой Валентин Иванович и при этом по-дурацки улыбался.

Должностная дама ему не поверила. Вообще должностные лица после перестройки перестали кому-либо верить, усматривая в каждом посетителе если не преступника, то во всяком случае ворюгу или жулика. Это Валентин Иванович уже подметил, подумав, что «человек человеку – друг, товарищ и брат» давно отменено, теперь действует всю «человек человеку – волк». При такой организации человеческих отношений чиновникам вольготно, вытворяй, что хочешь, измышайся над людьми, как душе угодно. Поэтому на участие должностной дамы, лицо которой было как бы окутано си-

зой дымкой, он не рассчитывал – иначе признался бы, что только что, чтобы немного погасить долг за электричество, продал два стакана собственной крови, причём, подоходный налог высчитали. Это ж как замечательно поставлено дело – подоходный налог платишь за собственную кровь! Ещё и налог на добавленную стоимость, наверное, содрали – кто её добавляет, эту стоимость, пусть и платил бы, а не тот, с кого содрать можно. Если с него не взяли, то с того, кому вливать будут её в вены, непременно жлобский этот НДС возьмут...

При таких мыслях Валентин Иванович продолжал по-дурачки улыбаться, а должностной даме до служебной аллергии надоели просители, которые норовили любыми способами украсть её родную электроэнергию, подключаясь к сети напрямую, без счётчиков, умудряясь вообще не платить за свет под любым предлогом. Поэтому она, не упуская случая прочитать нотацию, совершенно не была настроена на какое-либо снисхождение, поскольку из-за таких, как он, могут отключить весь район. Объяснения Валентина Ивановича по поводу того, что они с женой живут в этом доме всего несколько месяцев, что ему, как сельскому учителю, положены какие-то деньги на коммунальные платежи, но их не платят, поскольку учителя сидят без зарплаты, что школа не намерена платить за прежнюю хозяйку, что вообще в стране сложилась дикая ситуация, она, само собой разумеется, пропустила мимо ушей.

– Вам надлежит, с учётом пени, шестьсот семьдесят три

тысячи двести двадцать четыре рубля, – вынесла служебная дама приговор, возвращая ему расчётную книжку.

«Вам надлежит», – мысленно повторил за нею Валентин Иванович, возмущаясь не столько несправедливым начётом, сколько этим словом – «надлежит». Не просто «лежит», а почему-то «над»... Он его вообще, наверное, впервые в жизни услышал. Как бы он ни возмущался, но это не помогало делу – в кармане у него лежало почти на шестьсот тысяч меньше, чем требовалось.

Спустя две недели он вновь предстал перед служебной дамой и опять после сдачи крови. К тому времени Лена получила от Сергея перевод на полмиллиона рублей и, чтобы собрать нужную сумму, умудрилась продать какой-то своей новой знакомой новую прогулочную коляску за сто пятьдесят тысяч – всё равно она ещё не нужна, а когда Алёша подрастёт, она выкупит её обратно.

– А вы говорили, что не найдёте денег! Нашли же! – просияла дама, но придирчиво рассматривала штамп Сбербанка в платёжной книжке, – тут бди и бди, иначе в два счёта обведут вокруг пальца.

В этот раз Валентин Иванович видел её отчетливей, – вероятно, его организм решил привыкать к регулярным потерям крови. Обыкновенная тётка, занимающая крохотную, но видную в районе должность. Положение обязывало её прилично одеваться, следить за причёской, демонстрировать землякам обилие украшений в ушах и на пальцах. В этот

день она была в пушистом мохеровом свитере, который как бы подчёркивал и без того красноречивые передние формы, придавал ей обманчивый домашний вид и даже некую уютность. Лицо у неё было лживо симпатичным – юркие серые глазки, тугие пухлые щёки и беспощадный рот, покрашенный пламенно-алой помадой.

– Когда теперь вы нас подключите? – поинтересовался Валентин Иванович.

– Ах да, вас же, как злостных неплательщиков, обрезали, – вспомнила дама. – Вам надо написать заявку на подключение и за вызов монтажера надлежит заплатить сто тысяч рублей.

В глазах у Валентина Ивановича потемнело. Такого подлого удара он не ожидал. Не было у него, и не предвидится проклятых ста тысяч рублей. Он не знал, где их можно было найти. Лена так надеялась, что, наконец-то, у них будет электричество, что не надо будет по ночам зажигать керосиновую лампу, что можно будет подогреть Алёшину бутылочку в кастрюльке на электроплитке. Что она скажет, когда узнает: заплатить надо ещё сто тысяч?

– Вам что-то непонятно? – спросила жёстко дама.

– Не знаю, – сдавленно отозвался он. – За что ещё сто тысяч?

– Повторяю: вас обрезали, как злостных неплательщиков. В этом случае за подключение к электросети вам надлежит заплатить сто тысяч рублей. Что ж тут непонятного?

– Всё непонятно. Поймите же, в конце-то концов, что я сельский учитель, зарплату нам не платят. Маленький ребёнок, жена не работает. Мы взяли займы, чтобы рассчитаться с чужими долгами. Чтобы заплатить вам, я вынужден даже сдавать кровь. Где я возьму ещё сто тысяч?

– А вот этого я не знаю, – поставила его на место служебная дама. – Вы же нашли вон столько денег, не найдёте ещё каких-нибудь сто тысяч? Вы же мужчина!

И тут взгляд Валентина Ивановича упал на её пальцы, украшенные перстнями и кольцами. Его осенило: выход есть! Он снял со своей левой руки обручальное кольцо и протянул его даме:

– Купите за сто тысяч.

Глазки у неё возгорелись, но и сомнения у неё были очень большие.

– А золото настоящее? – поинтересовалась она.

– Настоящее.

На всякий случай она ему не поверила, – ведь ходят тут всякие...

XIV

История с подключением к сети разрешилась самым неожиданным образом. К ним заехал Сергей буквально на несколько минут – оставить новые подарки племяннику и ехать дальше. По словам Лены, он рвал и метал, надел на но-

ги ремень, забрался на столб, подключил провода, хотя те и находились под напряжением. Валентин Иванович в это время был в школе, и в рассказе Лены он почувствовал лёгкое презрение к себе, как к недотёпе и к гнилому интеллигенту уже в первом поколении...

В самом деле – он же мог сам подключиться к сети. В школе есть даже резиновые монтерские перчатки, почему же Сергей сразу нашёл выход, а он даже не подумал об этом, продолжая комплексовать? Однако презрение Лены, пусть и лёгкое, произвольное, пусть не презрение даже, а пренебрежение, пусть упрёк, нанесло ему неожиданно ощутимую обиду. Он настолько обиделся, что, не отдавая себе отчёта в том, что делает, выложил Лене всё сразу: о том, что Рита была плечовкой и болела СПИДом, что её убили, а кровь у них брали на анализ потому, чтобы проверить, не заболели ли случайно они, что он раз в две недели сдает свою кровь за деньги, что он даже решил продать за сто тысяч обручальное кольцо, но ему не поверили, что золото настоящее...

Потрясённая его откровениями Лена бросилась на шею, стала покрывать лицо поцелуями, называла его родным и любимым, плакала и просила прощения, оправдывалась тем, что она ничего не знала. Валентин Иванович стоял перед женой и не отвечал на поцелуи. Закрыв глаза и стиснув зубы, он молча плакал.

Спустя полчаса после бурной сцены он уже сожалел о своей исповеди. Она не принесла никакой разрядки, никакого

облегчения, – ещё одно доказательство его слабости, непригодности к этой жизни. Какие такие планы он, слабак и никчём, смеет строить на будущее? И это он решил продолжить дело Алексея Алексеевича здесь, в Стюрвицах? Не зря Рита не уставала ему твердить: разуй глаза, братишка!

Как он мог позволить Лене продать, пусть и не насовсем, прогулочную коляску, которую он, отец, даже не смог приобрести для своего сына?! Анна Иоановна советовала ему обратиться в суд на неправильные действия электросети, обещала поддержку, а он что? Как только услышал, какие нравы теперь в судах, что надо нанимать адвоката, составлять исковое заявление, искать свидетелей, так и отказался от самой мысли об этом. Опять же нужны деньги, и как бы история со светом не обошлась им ещё дороже, – ведь Лена унаследовала дом Аграфены, следовательно, и её долги. А при чём здесь он? Конечно, ждать не одну неделю судебного разбирательства без электричества в доме – удовольствие, прямо скажем, ниже среднего. Но всё равно не стоило опускать руки, нет, теперь он добьётся своего, пойдёт в суд. Что ж, теперь око за око, зуб за зуб.

И действительно, на следующий же день он попросил Анну Ивановну дать ему письмо в суд с просьбой вернуть ему деньги, несправедливо взысканные с него районной электросетью. Что и говорить, не был уверен в своей правоте, но в данном случае речь шла не о ней, а о его способности дать надлежащий отпор, постоять за себя и свою семью,

быть мужчиной.

Тётя Маня без всяких уговоров подписала письмо о том, что Аграфена не платила за свет много лет. Другие соседи уклонились засвидетельствовать этот совершенно очевидный факт, но зато завуч Лилия Семёновна, которая жила совсем не рядом, а в другом конце деревни и, как здесь говорили, в казённом доме, без всякой его просьбы написала своё письмо для суда. Прослышав о том, что новый учитель собирает какие-то бумаги для суда, возле их столба объявился Петька-афганец. Он хотел, было отрезать вновь провода, поскольку факт незаконного самоподключения был налицо.

– А этого не хочешь? – спросил Валентин Иванович и показал ему топор.

Вид у него, должно быть, был самым решительным и даже свирепым, – Петька-афганец изменился в лице и, пробормотав: «Ну и ну!», ушёл восвояси.

Ещё одна надежда Валентина Ивановича не оправдалась: он всерьёз вознамерился разнообразить меню своей семьи за счёт рыбы, плавающей подо льдом славной речки Стюрвицы. Купил набор зимних мормышек, моток лески, сделал две зимние удочки, пробил на речке там, где была заводь, две полыньи – за весь день на крючки подцепилось два окушка. Не было у него ни мотыля, ни приличного прикорма, кроме того, не было и никакого рыбацкого опыта, – таков был и результат, ещё одно разочарование.

После сцены с исповедью Лена стала как бы роднее, за-

ботливее и внимательнее к нему, однако, в то же время, в её поведении появилось нечто настораживающее. Как только Алёша выздоравливал, а он все эти месяцы много болел, она тут же начинала очень деятельно искать для себя возможность приработка. Казалось бы, только радоваться Валентину Ивановичу, когда она, оставив на него здорового Алёшу, уезжала в «рога и копыта», чтобы продолжить дело изготовления «семейных» трусов. Оттуда она возвратилась ни с чем, поскольку эта шарашка приказала долго жить, теперь там не ателье, а продают водку, и в то же время чем-то удовлетворённая. Объясняла она так: нашла ещё одни «рога и копыта», обещали дать надомную работу, предложили приехать через две недели. Когда же она уехала в назначенный день, то страшная догадка явилась к нему: Лена тоже продаёт кровь!

И точно – она вернулась бледная, озябшая, но с сумкой детских смесей. Он потребовал показать ему вены на руках – она спокойно ответила, что в этом нет нужды, да, она тоже сдаёт кровь.

– Лена, что же ты делаешь?! – закричал он на неё. – Алёша только-только перестал болеть! Ты же кормящая мать, какое же молоко будет у тебя, если ты сдаёшь кровь! Да будет ли оно у тебя после этого вообще?!

– Оно у меня и так не очень хорошее, – с убийственным спокойствием ответила она. – А Лёшу пора приучать к искусственному кормлению, переводить на детские смеси. Сейчас вообще многие не кормят грудью с первого дня.

– Без материнского молока из младенцев вырастают зверёныши! – взбеленился Валентин Иванович. – Тебе что, мало нашего проклятого детства? Одумайся, Лена! Умоляю тебя: ни в чём не отказывай Алёше! Мы обязаны сделать всё, чтобы детство у него было по-настоящему счастливым. Я для этого готов не только сдавать кровь...

Это было правдой – не только кровь.

После Нового года учителя наметали организовать в Москве пикетирование правительства, и его, как единственного мужчину, педагогический совет решил направить в столицу. А там Валентин Иванович замыслил не только сдать кровь, но и разыскать анатомический музей, которому, как ему подсказали знакомые на донорском пункте, можно продать свой скелет. Утаивать от Лены свой замысел не стал, убеждал её, что в этом нет ничего страшного, – живешь нормально, а потом, когда умираешь, твой скелет поступает в распоряжение музея.

– Давай лучше продадим телевизор, – предложила она без раздумий и тут же задала убийственный вопрос: – А ты подумал о том, что скажет Алёша своим детям, когда они спросят: «Папа, а где наш дедушка?» Он станет объяснять, что их дедушка не похоронен, а стоит в музее? Это же хуже, чем наложить на себя руки – самоубийц хоронят за оградой кладбища, но хоронят. А тут? Не по-христиански это. Мы и так прокляты своими родителями. Валька, родной, – Лена приблизилась, положила руки ему на плечи и, вглядываясь в глаза, с

мольбой в голосе предложила: – Давай договоримся: я больше не сдаю кровь, а ты, пожалуйста, выбрось из головы дьявольскую задумку. Как-нибудь проживём. Договорились?

В глазах у Лены стояли слёзы. Валентин Иванович прилёк жену к себе, как бы закрыл своими руками, попытался оградить её, мать его ребёнка, свою любимую, от жестокой, несправедливой и чуждой им жизни.

Между тем поездки Лены на донорский пункт имели последствия – накануне Нового года она заболела. Рано утром тридцать первого декабря она разбудила Валентина Ивановича и сказала, что ей очень плохо, что болит левая грудь. Лицо у неё пылало – поднялась высокая температура, и Валентин Иванович побежал за врачом в Стюрвищенскую больницу.

Врач Вера Михайловна, пожилая, но не растратившая в нынешней жизни чувство сострадания, такая же, как и они, обездоленная сельская интеллигентка, осмотрев Лену, укоризненно покачала головой.

– Вас бы в больницу, дорогая моя, – произнесла она. – Только куда вам с такой крохой ложиться. Кроме мастита, у вас ещё и замечательный бронхит. Как же вы не убереглись? Сейчас эпидемия гриппа, если я вас помещу в стационар, то вы обязательно загриппуете. А этого вам только и не хватает. Да и что нынче представляет наш стационар? Лекарств нет. Причём, элементарных. Дожили...

Он сняла очки, поскольку они запотели, и Валентин Ива-

нович увидел её глаза – серые и некрасивые, но мудрые и спокойные. Это были глаза безмерно уставшей женщины, добросовестно исполнявшей свой долг, о которой забыли государство и сильные мира сего, затеявшие беспрецедентный по жестокости эксперимент над несчастным народом. Реформы не отменили болезней, напротив, обострили их и оставили таких, как Вера Михайловна, наедине с ними, – без лекарств и даже без нищенской зарплаты.

«Это всё равно, что оставить на передовой солдат без боеприпасов и без пищи», – подумал Валентин Иванович. Сердце у него разрывалось от боли, – он жалел свою самоотверженную до глупости жену, а уж как было жалко Алёшу, теперь лишённого материнского молока... А Вера Михайловна неторопливо, казалось, уже вечность всё протирала очки и, то ли от старательности, то ли от невеселых мыслей, покусывала губы. Наконец она протёрла их, водрузила на нос и обратилась к Валентину Ивановичу:

– Супругу вашу надо лечить всерьёз. Само не пройдёт. Так будем лечить?

– Будем.

– Тогда доставайте лекарство. В данном случае не имеет никакого значения, что вам зарплату тоже не платят, – неожиданно жёстко сказала она, перейдя на тон, не допускающий каких-либо возражений. – Инфекции ведь не ведают, что у нас очень правильный курс реформ. Посему: сумели заболеть – извольте излечиться. Я выписываю лекарства, а

вы сегодня же находите их. Сейчас я пришлю медсестру, она сделает укол, боль будет поменьше и температура. Когда вы убедитесь, что жена хорошо перенесла лекарство, – аллюр три креста в районную аптеку. Это лекарство там есть, купите на полный курс лечения.

Отправляясь в город, Валентин Иванович взял с собой все деньги, но, поскольку он не знал, сколько их уйдёт на кучу рецептов, выписанных Верой Михайловной, к тому же, надо было выкроить на детские смеси, от приобретения билета в автобусе воздержался. Как назло, тут же в автобус вошли две румянощёкие с мороза ревизорши и потребовали, чтобы он оплатил не только стоимость проезда, но и штраф.

– У меня нет денег, – отвечал он на все их притязания.

– Тогда мы отвезём вас в милицию.

– Везите, – безучастно согласился он.

Убедившись, что милиция его не пугает, ревизорши вздумали высадить его из автобуса. Но не тут-то было: неожиданно за него вступились незнакомые стювищенские женщины. Да как вам не стыдно высаживать человека посреди леса, кричали они, у него жена больна, он едет в район за лекарствами, – откуда они уже знали, что Лена заболела? Он же учитель, а им сейчас зарплату раз в полгода платят, какие у него могут быть деньги?

– Так вы учитель? – спросили у него ревизорши. – Да.

– Так что же вы сразу не сказали! – возмутились они. – Мы с учителями давно билеты не спрашиваем. Вы же хуже

безработных, – тем хоть пособие платят.

– А я, дурак, всё время билеты брал, – признался он, чем вызвал в автобусе всеобщий смех.

Смех смехом, но веселья не было: такого унижения он давно не испытывал. Невыплата заработанного – тоже унижение, только к нему уже все притерпелись, короче говоря, к этому их уже приучили. Но когда ревизорши, зарабатывающие свой кусок хлеба на штрафах безбилетников, считают его, сеятеля разумного, доброго, вечного, представителем совсем нищей, с их точки зрения неприкасаемой касты, да ещё выговаривают ему при этом, что он скрывает свою принадлежность к ней и напрасно им головы морочит, – это было уже слишком. Он возмутился так, что, порывшись в карманах, достал деньги и потребовал у ревизорш билет. В автобусе ахнули от удивления, а один подвыпивший мужичок с заднего сиденья произнёс сиплым, прокуренным голосом:

– А теперь можно и пешком!

Но никто не засмеялся, – все увидели, как побледнел Валентин Иванович, когда он садился на своё место, как его стало трясти. Дрожали не только руки, но и ноги, стучали зубы, словно он промёрз до костей – и не было никаких сил справиться с этим. Первыми на помощь пришли ревизорши: по-бабьи жалостливо смотрели на его руки, пустившиеся в пляс, и всё спрашивали у него, не болеет ли он падучей.

– Н-н-не з-з-з-н-н-н-аю, – с невероятным трудом выдавил он из себя.

Ревизорши сунули ему в рот таблетку валидола, – кто-то из них на всякий случай был, наверное, при лекарствах, но всё равно их принялись отчитывать. Вот, мол, до чего человека довели. Да разве мы его довели, огрызались ревизорши, тут бери повыше, до Кремля. Молодой, а такой нервный, вслух удивлялись те, кто придерживался в перепалке с ревизоршами нейтралитета. У молодых как раз нервы и ни к чёрту, развивали они сами для себя эту тему дальше. То Афган, то Чечня, то либерализация, то прихватизация, – тут никаких нервов не хватит. Вот спросите у него, когда он последний раз получал зарплату, осенью хоть у дачников подрабатывал, а ведь дома жена и маленький ребёнок...

Он еле дождался конца злополучного рейса, выскочил первым из автобуса, забрёл в какой-то безлюдный переулок, отдышался там и успокоился, а потом пошёл искать аптеку. На лекарства денег хватило, осталось даже на пачку детской смеси, а дальше как?! На обратный билет денег уже не было, от одной мысли про автобус его опять едва не бросило в дрожь.

Как они надеялись на то, что наступит Новый год и всё у них пойдёт по-новому, конечно же, гораздо лучше, чем в уходящем. Он ёлку пушистую срубил, вместе с Леной мастерил из картона и фольги игрушки – если их не хватит, то в дело пойдут Алёшины пустышки-погремушки. Из фольги Лена должна была нарезать дождик... Ставить и наряжать свою первую в жизни ёлку решили тридцать первого декаб-

ря, чтобы до праздника не потеряла своей привлекательности, чтобы радость на праздник была полной и многообещающей...

А теперь он стоял на центральной улице районного городка, мимо него шли люди, озабоченные предновогодними хлопотами, ещё не растерявшими, как он, предпраздничных ожиданий и надежд на лучшее будущее. Он знал, что праздника у них с Леной в новогоднюю ночь не будет. Ёлку он поставит, украсит немудрёными игрушками и дождик из фольги нарежет, а ощущения счастья, на которое они так рассчитывали, у них не будет. От осознания этого ему стало невыносимо тоскливо и одиноко, хотелось завывать по-волчьи – даже в детстве он не испытывал такой щемяще-обидной ненужности, неприкаянности, обречённости на боль и страдания. Постоял он, постоял, справляясь с нахлынувшими на него чувствами, а затем направился в ювелирный магазин в надежде на то, что там купят его обручальное кольцо.

XV

Новогодняя ночь и последующие несколько дней для Валентина Ивановича были настоящим кошмаром. У Лены температура подскочила до сорока, находилась она как бы в полусознании – не в сознании и не в бреду, и только перед утром уснула, хотя он вначале подумал, что она потеряла сознание. Но ещё больше, чем за жену, он боялся за Алёшу –

инфекция могла попасть в его организм через материнское молоко. Но, слава Богу, температура пока у него не повышалась. Но он всё время плакал, срыгивая детскую смесь и требуя материнскую грудь. Алёшенька, не плачь, родной мой сыночек, видишь, как наша мама заболела, успокаивал он малыша, прижимая тельце к себе и шагая по дому из угла в угол, пока не наступил рассвет. А утром у Алёши опять разболелся животик, Валентин Иванович то и дело менял пелёнки, с ужасом думая о том, что ослабленный детский организм не выдержит изнуряющего поноса.

Как ни странно однако, узнав о болезни Лены, к ним зашла Лилия Семёновна. Поздравила с наступившим Новым годом, принесла Алёше маленькую мягкую тряпичную собачонку, а затем вынула из сумки какие-то травы, сама заварила и заставляла Лену пить огненный отвар.

– Не бойтесь, у меня бабушка ведьмой была, – шутила завуч. – И внучку кое-чему научила.

Лена так ослабела, что без её помощи не смогла оторвать и голову от подушки. Губы у неё запеклись, лицо осунулось, скукожилось и постарело, глаза, и без того большие, стали огромными, болезненно сверкали. Дышать ей было трудно, ко всему прочему её давил сухой, дерущий кашель. Отхлебнув ведьмино зелья, Лена брезгливо отвернулась, прошептала умоляюще:

– Не могу.

– Нет, можешь! – перешла вдруг на ты Лилия Семёнов-

на. – Не дури, а пей. И терпи. Пить надо как можно более горячим. Если чуть-чуть остынет, то потеряет силу. Сделаешь десять глотков – потом разотру бабушкиной мазью, выпьешь ещё десять глотков, укрою, и хворь начнёт выходить с потом. Пей, Лена, ты же видишь: Валентин Иванович опять почернел, Алёша плачет. Подумай о них, если себе добра не желаешь и не хочешь подняться на ноги. Знаю по себе – горькое, противящее зелье, но через три дня забудешь про хворь.

И Лена уступила. Преодолевая отвращение и еле сдерживая рвоту она давилась дымящимся паром зельем, а Лилия Семёновна, как неуступчивый бухгалтер, считала их. Потом она раздела её и принялась растирать маленькими, ловкими ручками грудь и спину Лены, накрыла тёплым одеялом и вновь заставила пить бабушкино снадобье. Наконец она закончила свою процедуру, накрыла Лену ещё и своей шубой и велела ей спать.

– Валентин Иванович, и вы тоже прилягте, поспите хоть часок, я побуду с Алёшей.

– Нет, я схожу в магазин, – заявил он.

– Какой магазин – первое января!

– Ах да, – вспомнил он. – Магазины сегодня закрыты.

– Поспите, Валентин Иванович, вам ночью силы ещё пригодятся. А Алёшеньку давайте сюда, – протянула она руки, и Валентин Иванович отдал ей малыша.

Странно, но он и не пикнул в её руках. Может, его успокаивало её сюсюканье, или же он заинтересовался незнакомой

тётей, однако, они сразу же поладили. Валентин Иванович бросил фуфайку на огромный Агафьин сундук, лёг и уснул под воркованье ведьминой внучки: у собачки боли, у кошечки боли, а у Алёшеньки не боли...

Он проснулся, когда окна были тёмными и испугался тишины. Соскочил с сундука, огляделся: Алёша посапывал в зыбке, Лена боком полулежала в постели и, измученная, улыбалась.

– С добрым утром, Валентин Иванович! – услышал он голос Лилии Семёновны.

Оказывается, пока он спал, Лилия Семёновна истопила печь, сварила обед, перестирала пелёнки, высушила и теперь гладила их. Проспал он и визит Веры Михайловны, которая осталась довольна Леной, сделала два укола и наказала ей продолжать лечение, не взирая на снадобья ведьминой внучки.

– Тебе получше? – спросил он Лену и приставил тыльную сторону ладони к её влажному лбу – страшного жара уже не было.

– Конечно, получше, – ответила жена. – Ты не представляешь, какая молодец Лиля. Из меня пот лил ручьями, она дважды меняла простыни, всё бельё. Дышать стало куда легче... Спасибо тебе, Лилечка, если бы не ты, у меня и сейчас было бы под сорок.

– Рано говорить спасибо, – протестующе подняла руку Лилия Семёновна, недовольно посверкивая очками. – Когда

окончательно станешь здоровой, тогда и говори. Кризис позади, но до спасибо ещё далеко. Завтра всё повторим, а сегодня ты ещё немножко потемпературишь.

– Опять, извини, жлоктить эту гадость? – взмолилась Лена.

– Нет, не эту. Ещё хуже, – пообещала завуч и распрощалась. Спустя три дня у Лены температура стала нормальной и, как предсказывала Лилия Семёновна, она поднялась с постели. Её шатало, всё плыло перед глазами, но, главное, она, пусть и страшно потрёпанная болезнью, могла ходить и даже что-то делать по дому, ухаживать за Алёшей. С Лилией Семёновной они подружились, и это радовало Валентина Ивановича, – всё-таки объявилась у них в Стюрвищах после Риты хоть одна близкая душа. Однако Лилия Семёновна не пришла к ним ни четвёртого, ни пятого января. Лена заволновалась, рассказала Валентину Ивановичу, где она живёт, и попросила сходить к новой своей подруге.

Завуч жила в однокомнатной квартире трёхэтажного совхозного дома, – она приехала в Стюрвищи ещё в те времена, когда молодых учителей в обязательном порядке обеспечивали жильём. Поднявшись на третий этаж и найдя нужную квартиру, Валентин Иванович нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – спросила Лилия Семёновна, не открывая дверь. Валентин Иванович назвался.

– С Леной что-нибудь случилось? – встревожилась Лилия Семёновна, однако дверь по-прежнему не открывала.

– Нет, с Леной все нормально. Второй день на своих ногах.

– Так зачем же вы пришли? – На этот вопрос в другой обстановке Валентин Иванович ответил бы грубостью: неужели она думает, что его соблазняют её женские прелести?

– Лена беспокоится, попросила узнать, почему вы третий день не появляетесь.

– У меня грипп. Уходите отсюда немедленно, не дай Бог вирус подцепите. Уходите сейчас же!

– Как вы себя чувствуете?

– Что за глупый вопрос – как можно чувствовать себя при гриппе? Уходите из нашего дома – здесь все гриппуют.

Да, Лилия Семёновна, наверное, тоже из племени Алексея Алексеевича, думал он по пути домой. На её счёт он не оболыщался – есть у неё свои недостатки, есть и достоинства – человек как человек. Но сколько времени это племя ещё продержится? Если бы жизнь была хоть в чём-то нормальной, не такой беспросветно безнадежной и бездарной, как сейчас, оно бы держалось всегда. Сегодня оно держится только за счёт осознания и понимания своего долга – исключительно за свой собственный счёт. Однако всему есть пределы.

Валентин Иванович давно заметил, как в нём истончается слой доброты и порядочности, который нарастил в его душе Алексей Алексеевич. Нет, он не поддался всеобщему осатанению, устоял, не сломался, как Рита, однако почти за полгода жизни в Стюрвищах стал совсем другим. Не таким наивным, не таким неприспособленным к жизни, – это хорошо.

Плохим было другое – все его чувства и ощущения, как ему казалось, не были больше острыми и яркими, борьба за выживание отупляла, огрубляла его и как бы из-под покрывала Алексея Алексеевича наружу прорывались злость, мстительность, а порой бессердечие и жестокость. От этого он, конечно же, не становился сильнее, а попросту опаснее для других, но которые принимали это за силу и твёрдость его характера. В действительности же борьба за биологическое существование расчеловечивала плод многолетних усилий Алексея Алексеевича, и Валентин Иванович не мог ещё сформулировать это, осознать то, что с ним началось, хотя интуитивно тревожился: с ним творилось что-то неладное и нехорошее.

Денег, вырученных за обручальное кольцо, хватило на пять дней. Лену надо было кормить полноценной пищей, а деньги совсем кончились. Собственное бессилие, неспособность обеспечить свою маленькую семью элементарным питанием, переворачивали душу Валентина Ивановича. Очередная сдача порции крови приходилась на четвёртое января, но, как назло, оно было объявлено выходным днём. Неужели теперь можно будет сдать кровь только восемнадцатого января? Крошечный холодильник «Морозко» был пуст, – как прожить эти две недели, как? На сколько хватит Алёше двух пачек детского питания? А ведь ему ещё нужны соки. Разве выздоровеет Лена на картошке да на грибах? Ей нужны белки, витамины, а где их взять?

Деньги, деньги, деньги... У Алексея Алексеевича они практически не знали, что они вообще существуют на свете. На детдомовских мероприятиях старшеклассники продавали гостям немудрёные поделки воспитанников, устраивали аукционы. Первые огурцы и помидоры созревали в детдомовских теплицах, – их, поскольку они были самыми дорогими, сдавали в торговую сеть, а затем они их ели, как говорили, от пуза. У них всегда было больше, чем им требовалось, картошки, моркови, свёклы... Излишки продавались.

Однажды у них был гигантский урожай капусты. Девать её попросту было некуда, и тогда Алексей Алексеевич бросил клич: «Квасить!» Бригады «капустников» даже освобождались от занятий, с утра до вечера они под руководством Ирины Степановны шинковали капусту и морковь, мяли и квасили в бочках почти месяц – шестьдесят тонн, целый вагон! Вырученные деньги пошли в общую кассу – на средства из неё для малышни покупались сладости и подарки именинникам, билеты в кино, приобреталась обувь и одежда выпускникам, те же электрические швейные машинки девчонкам.

Но там деньги были всё же частью общей игры, они не имели такого значения, как за пределами детского дома. Да и здесь они не так безраздельно правили жизнью, так, как сейчас, – никогда на Руси деньги не были целью жизни, никогда раньше презренный Мамона, злой дух стяжательства и наживы, не был богом, как теперь, и никогда он не собирал такую богатую нравственную дань. Есть у тебя деньги, – ты

человек, а нет – ты ничто, и никто тебе не поможет. Всем ровным счётом наплевать на то, каким способом ты обзавёлся деньгами. Грабь, воруй, обманывай, насилуй, убивай, но будь при деньгах, а если честно станешь их зарабатывать, то будь готов к тому, что тебе их, вероятнее всего, не заплатят, – такого на Руси тоже ещё никогда не было...

XVI

Что и говорить, невесёлые думы думал Валентин Иванович, когда шестого января, в сочельник, опять пошёл на речку в надежде поймать хоть несколько рыбёшек. Опять у него не было мотыля, сколько-нибудь приличной привады, ловил на катышки хлеба да на белые личинки, которых вылущивал из стеблей растущего по берегам чернобыльника. Стояла оттепель, по всем канонам должна была клевать плотва, однако два красных поплавка в лунках оставались неподвижными. Он просидел час, два, а клёва всё не было. «Буду сидеть до тех пор, пока не поймаю на уху хотя бы для Лены, – решил он, – буду сидеть хоть до первой звезды...»

Он собирал чернобыльник, выколупывал из его стеблей личинки, бросал их в лунки, приваживая привередливую и осторожную рыбу. Безрезультатно. Тогда он стал мормышить, – и крючок за что зацепился, на нём затрепыхалась рыбёшка. Наконец-то хоть одна плотвичка валялась на льду и Валентина Ивановича охватил такой азарт, словно он наде-

ялся поймать огромную царь-рыбу В порыве признательности он осенил себя крестом, подумав, что есть всё-таки Бог, не может быть такого, чтобы его вообще не было.

За полчаса он вытащил из лунки ещё трёх плотвичек, а потом – как отрезало. Должно быть, стайка подобрала всех личинок и уплыла восвояси. «Господи, ну в честь Рождества ещё хотя бы одну дай поймать, – умолял он всевышнего. – Уха от неё наваристее не станет – плотвички по пятьдесят граммов, но я уверюсь, что ты меня, мою жену и моего сына не оставил, что милостив к нам и великодушен. Клянусь: поймаю одну – сразу уйду, Господи, мне нужен твой знак, а не уха. Неужели ты не видишь, что я бьюсь, как рыба об лёд? Дай знак, и я окрепну духом...»

А мысль другая, страшная, тоже не давала ему покоя, и хоть ставить Создателю какие-то условия само по себе составляет большой грех, но он ещё и загадал: поймается ещё одна рыбёшка – не *решился* он, а нет – что ж, тогда на всё воля Божья. Он просидел ещё часа два, стало темнеть, но больше поплавки даже не шелохнулись. «Бог-то Бог, да сам не будь плох», – подумал он с ожесточением. И в этот миг он *решился*.

– В прошлый раз три штуки поймал, сегодня – четыре! – обрадовалась его успехам Лена. – Если так и дальше пойдёт, то мы всегда будем с рыбой.

Он промолчал. Поставил в печь чугунок, и пока он чистил картошку с морковкой и рыбу, вода в нём вскипела. Луку в

доме не нашлось, зато от тётки Аграфены остался большой пакет лаврового листа. Отыскалось даже пшено – разжевал несколько крупинок, нет, не прогоркло, тоже можно бросать. Потомив готовую уху, посолил, ещё немного потомил, наконец, налил тарелку и поставил на стол.

– Ешь, пока горячая, – сказал Лене.

– Сейчас, только уложу Алёшу, – ответила она и понесла малыша к зыбке.

– Я покачаю, – отстранил он жену.

Алёша не хотел спать. Посасывая пустышку и поблескивая глазёнками, улыбался отцу. От этой улыбки Валентину Ивановичу перехватило горло: прости, сынок, если что, прости своего отца...

А Лена нахваливала уху, мол, ничего вкуснее в жизни не ела, – это был тот самый случай, когда люди нахваливают кушанья из вежливости.

– Если хочешь, наливай ещё, грейся, – не оборачиваясь к ней, сказал он.

– А тебе? Ведь ты сегодня ничего не ел!

– Мне нельзя.

– Почему?

– До первой звезды есть нельзя.

– А мне, выходит, можно?

– Ты не в счёт, ты больная.

– А звезда первая, наверное, уже появилась...

– Я сказал: ешь, – рассердился он, и малыш сложил в оби-

женный бантик губки, скривил личико, приготовился вот-вот зареветь. – Нет, нет, Алёшенька, это я не тебе, это я маме говорю. Я на речке зарок дал: сегодня рыбу не есть. Вот когда ты вырастешь, мы с тобой будем во-о-от таких рыбищ ловить, и варить, и жарить, и вялить будем. Правда, будем? Конечно, будем, хороший ты мой...

Голос у него дрожал, казалось, что зыбка – это вовсе не зыбка, а маятник, покачивания которого отсчитывают время новой жизни не того Валентина Ивановича, который был ещё час тому назад, а совсем другого, неведомого ещё никому, непонятого даже ему самому.

Почувствовав неладное, подошла Лена, заглянула ему в глаза.

– Что с тобой?

– Ничего, – ответил он, но отвернулся.

– Первая звезда уже давно на небе, – ведь темно уже, поешь, – попросила она.

– Нет, моя звезда взойдёт около десяти, – он взглянул на ходики, – через полтора часа...

– Но ты же ничего сегодня не ел! – воскликнула она.

– Я сказал, – угрожающе напомнил он.

И Алёша всё-таки заплакал – тоже почувствовал, что творится с отцом. В конце концов Лена его убаюкала, легла в постель и больше не сказала Валентину Ивановичу ни слова. Вроде бы они как поссорились – нет худа без добра, не надо в этом случае объясняться, подумал он, выключил свет

и подошёл к окну. Небо заволокло тучами, и когда зажглась его первая звезда, он этого, разумеется, не видел. Стараясь не потревожить жену и сына, он оделся, снял с гвоздя вещмешок и вышел из дома.

– Так значит «минус 200 т за ниуважение к хазяивам плюс пива»? – произнёс он на улице и заскрипел зубами. – Уважать себя заставляете, подонки вонючие? Что вам, жлобью, мои несчастные двести тысяч? Это для меня они сегодня целое состояние, а для вас, которые мясные торты для собак покупает? А мне они бы помогли поднять на ноги Лену, не подохнуть до восемнадцатого...

Его снова стало трясти. Зачерпнув ладонью снег, он растёр им лицо, прислонился спиной к сосне, закрыл глаза... С приступом надо было справиться или же возвращаться назад. В глазах вращались кроваво-красные круги, в ушах гремело, потом круги погасли и наступила тишина – только задумчиво шумели вершины сосен. Ни руки, ни ноги больше не дрожали, и он продолжил путь к намеченной цели.

Пошёл густой крупный снег. Это хорошо, отметил он, следы заметёт. А потом стала грызть совесть: «То, что ты задумал, совершенно невозможно для тебя, ведь ты – учитель!» Он возражал: «Я возьму своё, заработанное». – «Ты – вор», – перешла она на оскорбления. «Да какой же я вор? Вот они – да, ворюги!» А совесть гнула свою линию: «Никто не утверждает, что они – не воры. Более того, кое-кто из них вор в законе. Но ты, сеятель разумного, доброго, вечного, не име-

ешь права опускаться до их жлобского уровня, до уровня одноклеточной амёбы или инфузории-туфельки. Тебя сразу же поймают, поскольку они умеют воровать, а ты? Если не искалечат, не убьют, то представят так, что ты покушался на их священную частную собственность. Их фазенду наверняка какой-нибудь поп освятил, как же нынче без этого». – «Пусть лучше убьют, чем жить так, как мы живём», – ответил он. «А Лена, а Алёша? А Алексей Алексеевич, что с ним будет, когда он узнает, что ты вор?» – она била наповал, в самое болезненное место.

– Замолчи! – закричал Валентин Иванович, закрыл руками лицо, а потом побежал вперёд, побежал, чтобы не вернуться назад.

XVII

В посёлке коттеджей стояла тишина. В доме «кабана» не светило ни одно окно, к нему не вёл ни один след. Валентин Иванович перемахнул через забор, приблизился к углу дома, разгрёб по-звериному, не руками, а как бы лапами, снег там, где находилось узкое окно в погреб хозяйки. Ещё летом он заметил, что на окне нет решётки, что щит держится на честном слове, хотел было предложить все недоработки устранить, но не успел. И предложил бы, если бы они с ним так не обошлись.

Теперь щит подался, даже не примёрз. Валентин Ивано-

вич провёл рукой в проёме, нет ли решётки. Её не было. Тогда он лёг вдоль проёма, спустился ногами в подвал и, только почувствовав под ногами твёрдый пол, включил фонарик. Все полки были заставлены картонными коробками с консервами.

– Ага, вот и сгущёнка, – сказал он вслух, а не шёпотом. – Возьмём десять банок. Не по себестоимости, а по рыночной, как нынче и положено, будем брать. В магазине она у нас по четыре тысячи, итого сорок тысяч. Какао с молоком... Эти, наверное, по пять тысяч. Берём пять, значит, уже шестьдесят пять. Тушёнка, «Алеет Восток» или «Великая китайская стена», – тысяч по восемь сойдёмся, не больше. Берём десять банок, получается уже сто сорок пять тысяч. «Плюс пива» – не в счёт, это угощение, если это можно так назвать, «кабана». «Сок манго»? Что такое манго? Может, Алёше понравится? А сколько оно стоит? Пусть по пять, возьмём на десять тысяч. Итого – сто пятьдесят пять. Ещё десять банок сгущёнки и одна какао – вот и в расчёте я с вами, господа «хазяива».

Он завязал вещмешок, вытолкнул его в проём окна, выбрался сам. Поставил щит на место, забросал снегом и только наклонился к вещмешку, как страшный удар обрушился на него сверху. Он упал ничком в снег. Остервенело рыча, огромная овчарка грызла его предплечье, и кто-то пинал его ногами, страшно матерясь и торжествующе крича:

– Наконец-то попался, сволочь. Попался, домушник, те-

перь ты за всё ответишь, падла!

– Убери собаку! – кричал в снег Валентин Иванович. – Я не ворюга, я взял то, что они летом мне недоплатили!

– А-а, так ты не ворюга?! Дик, фу, – и когда собака отошла, его стали бить ногами по бокам, по голове, пока он не потерял сознание.

Пришёл в себя оттого, что ему в рот лили водку. Он поперхнулся, водка обжигала разбитый рот. Ему светили фонариком в лицо. Валентин Иванович заслонился рукой, а потом вскочил на ноги, но что-то больно врезалось ему в шею и зазвенело – его посадили на цепь! Схватился за шею – там металлический ошейник, от него цепь к столбу, тому самому к которому «кабан» привязывал летом козлят. Он был почему-то абсолютно голым, но холода никакого не чувствовал – должно быть, это сон...

– Не трепыхайся, учитель, – услышал он знакомый голос. – Ты меня заставил на столбе поторчать, пока закладывал ментяре. Теперь твоя очередь, – Петька-афганец захохотал. – Теперь я банкую. Если заложу теперь тебя ментяре, – посидишь на цепи полдня, а если нет, то будешь охранять имение, пока хозяева не приедут. Хорошо, если они появятся сегодня, на Рождество Христово, а если на Пасху?

Валентин Иванович дотянулся рукой до Петьки-афганца, схватил его за воротник полушубка, чтобы проверить, спит ли он или же всё это происходит наяву, и тут же получил удар в лицо.

– Не тяни лапы, падла!

Нет, всё происходило наяву: после такого удара и мёртвый проснётся, а когда он сплюнул – на снегу зачернел комок.

– Начинай колоться, фраер. Скажи тихонько, на ушко мне, кто твой напарник, и получишь одежду. Иначе околеешь. С кем ты шуруешь дачи? Обнаглели совсем: тут электроникой всё напичкано, ты только через забор перемахнул, а у меня на пульте лампочки замигали, сирена врубилась.

Валентин Иванович молчал. Его охватило полное безразличие ко всему происходящему. Он не чувствовал по-прежнему ни холода, ни боли. Ему хотелось спать. Он так устал, так измотался, изнервничался, что теперь хотел только спать. В его сознании, конечно, существовали Лена и Алёша, но из его эмоций они как бы выпали, как, впрочем, и Алексей Алексеевич, и мать-кукушка, которая оставила его в роддоме. Ему хотелось только спать...

– Петька, тебя мать родила или волчица? – чужим ртом и чужим голосом спросил он.

– О, это уже теплее, мы начинаем говорить! – засмеялся тот.

– Так вот, я повторяю: они мне недоплатили двести тысяч летом за работу, я пришёл и взял банок на эти двести тысяч.

– Не заливай! Поймаю твоего дружка, – тоже ошейник получит, в руках у него зазвенела ещё одна цепь. – Так что, если хочешь спасти свою шкуру, – колись и закладывай. Тем более, что тебе не привыкать.

– Если бы я тебя заложил, ты давно бы сидел.

– Слушай, а это резонно. А кто Ритку замочил?

– ...Нет, тебя не мать человеческая родила... – Валентин

Иванович попытался покачать головой, и цепь зазвенела.

– Пока я здесь с тобой травлю, твой напарник коттеджи чистит! Вот тебе пузырь, он распечатан, всё-таки праздник!

Прихлебывай и вспоминай дружка. И не вздумай в генерала Карбышева сыграть, – зарою как собаку.

Когда Петька-афганец вместе с овчаркой ушёл, Валентин Иванович с облегчением закрыл глаза. И его сразу окутала дрёма. Он летел. Летел долго и приятно, его сознание готово было угаснуть, но напоследок высветлило картину: к ним в гости приехал Алексей Алексеевич, держит он на руках Алёшу, а тот радуется, раскрыл беззубый ротишко, даже пустьшку уронил, а глазёнки так и блестят...

Как током ударило Валентина Ивановича. Он пришёл в себя. В руках у него была бутылка, он плеснул водки на грудь и принялся растирать тело. И чем дольше он себя растирал, тем больше становилось холоднее. Тем явственнее и отчётливее доходил до его сознания весь ужас случившегося с ним. Спасти его могло только движение, и он, положив руки на колени, стал, гремя цепью, вприсядку прыгать. И тут же заболела и закружилась голова, круги в глазах, толчки крови в ушах, и опять проклятая дрожь во всем теле, жуткий озноб.

Ему казалось, что он окончательно замерзает, тогда как в действительности согревался, и не сознание, а подсознание

заставляло упираться ногами в столб и пытаться разорвать цепь. Ошейник был завинчен на болт и гайку, а цепь вокруг столба была замкнута замком. Не помня себя и не отдавая никакого отчёта в своих действиях, он схватил цепь и принялся её перепиливать на ребре бетонного столба, стирая кожу на пальцах до костяшек и не чувствуя никакой боли. Цепь была стальной и прочной, она не поддавалась, и когда Валентин Иванович осознал, что растаяла последняя надежда на освобождение, что он скорее окоченеет, чем перепилит звено, то упал на четвереньки и, как зверь, завыл на весь белый свет. И как ни странно, сознание в этот момент подсунуло фразу какого-то француза из далекого XVII века: «Сколько держав даже не подозревают о моём существовании!»

Звериный вой и фраза Блеза Паскаля были так чудовищно несопоставимы, что лишь потом Валентин Иванович догадался, почему так произошло. Сознание, повинуюсь подсознанию, отвлекало его чувства и ощущения, а подсознание, подстёгиваемое инстинктом самосохранения, собрало его жизненные силы в мощный комок энергии, и когда он в очередной раз упал спиной на снег, упёрся ногами в столб, то цепь вытянулась, как свинцовая, и лопнула, казалось, сразу в нескольких местах. И тут уж он, наверное, что называется, с цепи сорвался.

Сколько бы ни силился потом Валентин Иванович вспомнить, каким образом он смог заполучить обратно свою одежду и свой вещмешок с банками, как он взвалил его на спину,

как дошёл домой, это ему никак не удавалось. Ужас в глазах Лены запомнился на всю жизнь: она гладила его по волосам, а иней на них не таял.

На Крещение в Стюрвищах разнёсся слух: Петька-афганец по пьянке приковал себя на участке одного из новых русских к столбу и овчарку заодно на цепь посадил. А ключ от замка то ли выбросил, то ли уронил так, что дотянуться до него не смог. Выжрал две бутылки водки – пустая посуда валялась рядом, и замерз. Оголодавший Дик, когда их нашли, совсем озверел и обглодал хозяину ноги до пояса.

Рашен Баб

Короткий роман

I

Вначале Вальке Сыромятниковой вся деревня завидовала – надо же, никуда не уезжая, умудрилась выйти замуж за иностранца! О заграничной своей судьбе она и не помышляла, хотя времечко было такое, что стать валютной проституткой или выскочить за иностранца считалось пределом мечтаний множества девиц на постсоветском пространстве. Поэтому Вальке завидовал весь район, однако события развернулись таким необычным и почти необъяснимым образом, что стала разводить руками область, за нею – вся Сибирь и, наконец, вся Расея. Да и мир поразился тому, что произошло с загадочной, недоступной европейскому пониманию русской молодой женщиной. Правда, бывшие братья по Советскому Союзу, злорадствуя, похихикивали удовлетворённо, мол, так вам, империалистам и оккупантам, и надо.

Всё началось с того, что в сибирской деревне появился иностранец Фриц Вольф, по-русски Фриц Волк. Он то ли

альтернативную военную службу решил отслужить в Сибири, то ли оказался в суровом краю по решению суда за неприглядные делишки. Должностей в деревне в связи с реформами никаких не имелось, а для приبلудных немцев – подавно, поэтому его пристроили скотником на дышащей на ладан молочно-товарной ферме.

Времена были воровские и развалюшные, бесстыжие и несправедливые, одним словом, ельцинские, но Фриц Волк с немецким усердием и аккуратностью убирал навоз, отмывал в коровнике водой полы от многолетней заразы, раздавал животным корм. Не пил, не курил, не матерился, потому что ещё не научили мужики, и по этим основаниям деревенские бабы сильно его зауважали. Угощали домашними пирожками, сибирскими пельменями, – особенно старались тётки, у кого дочери имелись на выданье. Невесты то и дело появлялись в коровнике – можно было подумать, что им захотелось помочь матерям управиться с бурёнками, на самом деле стремились попасть Фрицу Волку на глаза, заигрывали, пытались заговорить с ним, но немецкого языка не знали, и жалели, что в школе не учили его.

Валентина Сыромятникова училась в городском интернате, где изучала немецкий язык. Знала на тройку, но когда в деревне появился немецкий парень, принялась за старые учебники и словари. Вообще-то она не жаловала иностранный язык, и он её – взаимно. Хотела поступить в пединститут, на что-то иное у неё фантазии не хватило, но как раз

на иностранном и срезалась, получила тройку, а нужна была четвёрка, тогда бы поступила. Возвратилась в деревню крутить коровам хвосты. Мать к тому времени сильно сдала, вот и заменила Валентина родительницу на ферме, приняла её группу животных. Отца Валентина не имела, конечно, он когда-то был, но она его не помнила. Знала лишь по рассказам матери, что на него соперница навела порчу, и закончилось это тем, что родитель отдал Богу душу, поскольку у него внутри самогон запылал и изо рта якобы пошло синее пламя. «Бесы эвакуируются», – такой диагноз поставил деревенский мудрец, дед Филолай, он же – Ёськин кот. Филолай доводился родственником Сыромятниковым, какая-то седьмая вода на киселе. Впрочем, в деревне все носили фамилию Сыромятниковых, за исключением тех, кого присылал райком на председательствование или агрономить, учить грамоте не быстрых разумом сыромятниковских отпрысков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.